

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт лингвистики и международных коммуникаций
Кафедра международных отношений, политологии и регионоведения

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой, к. т. н.,
доцент

_____ Л. И. Шестакова
“ ___ ” _____ 2019 г.

**ИСЛАМ В КИТАЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ-41.03.01.2019.387. ВКР

Руководитель, д. и. н.,
профессор

_____ С.Г. Боталов
_____ 2019 г.

Автор работы
студент группы ЛМ-405

_____ М.Р. Йулчиев
_____ 2019 г.

Нормоконтролер, д. и. н.,
профессор

_____ А. Д. Таиров
_____ 2019 г.

Челябинск 2019

АННОТАЦИЯ

Йулчиев М.Р. Ислам в Китае Исторические и современные аспекты. – Челябинск: ЮУрГУ, ЛМ-405, 71 с., библиогр. список – 7 наим.

Многие слышали, что в Китае есть большое мусульманское сообщество. Однако в условиях коммунизма миллионы китайцев сохранили свою культуру и религию, о которых мы знаем не так много. Также мы мало знаем об этнических китайцах (Хань), и народа мусульманского Хуэй.

Ислам пришел в Китай в 651 году, когда правил император династии Тан Гаоджуна, вместе с арабскими и персидскими торговцами. Многие их торговцев, побывавшие в Китае, взяли в жены китайянок. Их потомки стали первыми китайскими мусульманами. Арабы организовали торговые посты в юго-западных портах Цюаньчжоу и Гуанчжоу. Некоторые арабы уже обосновались в Китае и, вероятно, приняли ислам с прибытием первой мусульманской делегации (610–632).

Существует несколько версий возникновения ислама в Китае. В некоторых записях утверждается, что две группы мусульман впервые прибыли в Китай из Абиссинии (Эфиопия). Именно Эфиопия приютила первых мусульман, бежавших от преследования мекканского племени курайшитов. Среди перемещенных лиц были дочь пророка Рукия и ее муж Усман ибн Аффан, Саад ибн Аби Ваккас и другие известные соратники. Негус Ашама (615 год н. э.) великодушно принял их и предоставил политическое убежище.

Не стоит забывать огромную роль Великого шёлкового пути. Великий шёлковый путь – караванная дорога, соединяющая Восточную Азию со Средиземноморьем в древности и в Средние века. Изначально использовался для вывоза шёлка из Китая, с чем связано его название. Он очень сильно повлиял на распространение связей народов Средней Азии, Ближнего Востока, Кавказа до Европы и Китая в технологии и инновациях, в том числе искусстве (музыка, танцы, архитектура), технологии (производство шёлку, бумаги и т. п), религии (христианство, ислам, буддизм).

Во время военных походов Чингисхана на запад в 13 веке, в Китай пришли мусульманы, большинство из которых было из Центральной и Западной Азии. Солдаты, которые были мусульманами (среди которых были ремесленники и мелкие чиновники), также распространяли Ислам. Основные события для мусульман в эпоху юаня (1271–1368) – это стройка мечетей по всей стране, и занятия государственных постов мусульманами. Получил же Ислам государственное признание и начал процветать только во время эпохи Мин и Цин. Наиболее широко распространены среди 10 национальных меньшинств Китая: хуэй, уйгуры, казахи, татары, киргизы, таджики, узбеки, дунксы, салары, баоань. Сегодня коли-

чество мусульман составляет около 14 миллионов. Большинство из них живут на северо-западе Китая, кроме народа хуэй, он разбросан по всей стране.

Мирные условия жизни китайских мусульман радикально изменились во времена династии Цин (1644–1911). За эти годы им пришлось отстаивать свое право на независимость. Произошел ряд восстаний, в результате которых погибли тысячи мусульман.

Сегодня в Китае этнические группы мусульман в основном расселены вдоль границ в провинциях Юньнань, Тибет, Синьцзян, Ганьсу.

Еще одним фактором, способствующим распространению знаний и интереса к Исламу, является поездка китайцев в исламские страны для получения образования и совершения хаджа. Хадж называют «столпами Ислама».

Ещё в этой работе рассматривается Пакистан, которому очень важно контролировать ситуацию в СУАР.

Синьцзян-Уйгурский автономный район населяют 47 национальностей. Но титульной нацией автономного района являются уйгуры. И именно на них ориентирована политика КНР в этом районе. Определяющим же в этой политике является сегодня тот факт, что значительное число уйгуров исповедует ислам.

Большинство китайских мечетей построены в виде храмов. Но в Синьцзяне и в некоторых других местах есть много мечетей, оформленных в традиционном исламском стиле. Например, многие из них имеют историческую ценность. Мечеть гуантаза в Гуанчжоу и мечеть Чинджинг в Цюаньчжоу, построенная во время эпохи Тан и Сун персидскими купцами.

Будет рассмотрена попытка Китая подключить ресурсы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) к реализации проекта СРЭБ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1 ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ ИСЛАМА В КИТАЕ	7
1.1 Мусульманский культурный ренессанс в Китае с Юанем	9
1.2 Роль императора Чжу Юаньчжана в проникновении ислама в Китай.....	16
1.3 Политика императора Чжу Юаньчжана в отношении Ислама	17
1.4 Социально-политические последствия отношения Чжу Юаньчжана к Исламу	18
1.5 Ислам в период династии Цин (1644–1911 гг.).....	20
1.6 Ислам в Китае (1945–1976).....	22
2 СОВРЕМЕННЫЙ ИСЛАМ	26
2.1 Восточный Туркестан (Уйгурстан, Уйгурия)	29
2.2 Мечети в Китае: функции и архитектурные особенности.....	33
3 ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ СЕПАРАТИЗМА В СУАР КНР	37
3.1 Геостратегическое положение Синьцзяна.....	37
3.2 Влияние сирийского конфликта на политическую и экономическую ситуацию в Синьцзяне	41
3.3 Китайская военная помощь Сирии.....	44
3.4 США и всемирный уйгурский конгресс	45
3.5 Политика безопасности и институционализация отношений Китая в Центральной Азии.....	47
4 СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУАР И УЙГУРСКИЙ ВОПРОС.....	50
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	64
ПРИЛОЖЕНИЯ	
ПРИЛОЖЕНИЕ А	65
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	66

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Необходимость оценки роли и места ислама в современном китайском обществе давно признана в мировой синологии. Проблема функционирования исламской традиции в современном мире столь же актуальна, сколь и малоизучена. Конечно, на состояние научных исследований данной проблемы сильно повлиял нерешенный характер ряда фундаментальных проблем общего характера, связанных с историей ислама как сложной и влиятельной составляющей духовной культуры традиционного Китая.

Наряду с традиционными религиями Китая – конфуцианством, буддизмом, даосизмом, Ислам оказал значительное влияние на формирование китайской цивилизации.

Согласно историческим записям, Ислам вошел в Китай около 7-го века через мусульманских купцов, которые пришли торговать в Китае. На Шелковом пути и из-за моря арабские и персидские мусульманские купцы часто посещали Китай. Они привезли в страну специи, пряности, янтарь, шелк, фарфор и чай. Кроме того, мир узнал о таких изобретениях китайцев, как компас, бумага и порох, которые сильно стимулировали экономический и культурный обмен между Востоком и Западом.

Некоторые иностранцы так и не вернулись в Аравию. Возможно, надежда на лучшую жизнь привела их (по суше или по морю) в Китай во время правления династии Суй (581–618 гг.). Маньчжуры не были мусульманами. Они запретили мусульманам ездить в Мекку для совершения хаджа. В девятнадцатом веке было много войн между династией Цин и мусульман. В таких местах, как Юньнань, Синьцзян и Ганьсу, где было много мусульман, они восстали и попытались создать свои собственные страны. Многие мусульманские купцы поселились в Китае, вступая в браки с местными жителями. Их потомки стали первыми китайскими мусульманами. Ислам оказал и оказывает глубокое влияние на историю и культуру, этику, образ жизни, нравы и привычки, который характеризуется исключительной преемственностью и преемственностью традиций, в значительной

степени сохранил свою жизнеспособность и основные положения доктрины в настоящее время. Таким образом, он остается мощным фактором, воздействующим на культуру и идеологию Китая и других стран Дальнего Востока, как прямо, так и косвенно (через исторически обусловленные особенности менталитета носителей китайской культуры), что само по себе свидетельствует об актуальности данного научного направления.

Целью работы является исследование особенностей зарождения и распространения ислама в Китае.

Задачи работы:

- изучить особенностей зарождения ислама в Китае;
- изучить распространение ислама в Китае;
- выявить взаимовлияние ислама и китайских религий;
- определить влияние ислама на развитие Китая.

Объект работы – ислам в истории Китая.

Предмет работы – проникновение и распространение Ислама в средневековом Китае.

Результаты работы рекомендуется при подготовке к практическим занятиям по дисциплине истории страны региона специализации (Китай).

Источники работы – нормативные документы, сборники документов, сборники статей, монографии, материалы интернета.

1 ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ ИСЛАМА В КИТАЕ

До 500 года, еще до возникновения Ислама, арабские мореплаватели установили торговые отношения с «Поднебесной» (Китай). Арабские корабли выходили из городов Басра и Кайс (Сераф) в Персидском заливе и через Малаккский пролив, между Малайским полуостровом и индонезийским островом Суматра, направлялись в Южно-Китайское море. Они организовали торговые посты в юго-западных портах Цюаньчжоу и Гуанчжоу. Некоторые арабы уже обосновались в Китае и, вероятно, приняли ислам с прибытием первой мусульманской делегации (610–632 гг.), так как их семьи и друзья уже стали мусульманами при жизни Пророка, да благословит его Аллах и приветствует.

Ханфу – так называют в Гуанчжоу арабов, которые позже основали мусульманский квартал, ставший центром торговли. Благоприятное географическое положение сыграло ключевую роль в развитии Гуанчжоу самого старого коммерчески и международного портового города в Китае. Став свидетелем ряда исторических событий, Китай стал самым быстрорастущим регионом, переживающим период объединения и беспрецедентного процветания. В ранних китайских летописях упоминались арабы-мусульмане, которых называли Королевством Аль-Медина. В китайском языке слово «Ислам» звучит как «zingzhenjiao» (чистая правая вера). Некий китайский чиновник, описывая Мекку, назвал ее родиной Будды Ма-хиа-у (То есть пророка Мухаммеда, да благословит его Аллах и приветствует).

Существует несколько версий возникновения ислама в Китае. В некоторых записях утверждается, что две группы мусульман впервые прибыли в Китай из Абиссинии (Эфиопия).

Именно Эфиопия приютила первых мусульман, бежавших от преследования мекканского племени курайшитов. Среди перемещенных лиц были дочь пророка Рукия и ее муж Усман ибн Аффан, Саад ибн Аби Ваккас и другие известные соратники. Негус Ашама (615 год н. э.) великодушно принял их и предоставил политическое убежище.

Некоторые иммигранты так и не вернулись в Аравию. Возможно, надежда на лучшую жизнь привела их (по суше или по морю) в Китай во время правления династии Суй (581–618 гг.).

Некоторые записи рассказывают о том, как при поддержке негуса Саад ибн Аби Ваккас с тремя спутниками отплыл в Китай в 616 году из Абиссинии (Эфиопия). Саад вернулся в Аравию и через 21 год вновь прибыл в Гуанчжоу с экземпляром Священного Корана. Ту же историю можно найти в книге Лю Цзи «Жизнь пророка».

Считается, что один из соратников, умерший в 635 году нашей эры, был похоронен в западной части города Хами. Из близлежащих регионов люди часто приходят на его могилу «Гейс мазары», чтобы отдать дань уважения. Он расположен в северо-западной провинции Синьцзян, в четырехстах километрах от столицы, Урумчи. Саад позже обосновался в Гуанчжоу и построил мечеть Хуайшэн. Строительство мечети стало важным событием в истории Ислама на китайской земле. Это древнейшая сохранившаяся мечеть в Китае, которой уже более 1300 лет. Ее стены сумели противостоять тяжелейшим ударам истории. И теперь, после реставрации, радуют глаз жителей Гуанчжоу.

Китай в эпоху Тан чрезвычайно активно контактировал как с Центральной Азией, территориями Согдианы, так и собственно с арабскими правителями. Так, в середине VIII века, когда китайский царедворец и генерал Ань Лушань повернул войска против законного императора Су-цзуна, на помощь императору пришел халиф Абу Джафар Аль-Мансур и прислал своих воинов. В конце концов, Ань Лушань был разгромлен, а арабские воины осели в Китае.

О том, насколько сильно было исламское влияние, говорит хотя бы тот факт, что уже в 742 году в тогдашней китайской столице Чанъань (ныне – Сиань) была построена знаменитая мечеть, позже названная Большой Сианьской мечетью. В 751 году мусульманские арабские армии и армия династии Тан сражались у реки Талас. Мусульмане заключили сделку с одним из турецких племен в армии Тан, и во время битвы племя неожиданно напало на тогдашнюю армию и помогло побе-

дить его. Таким образом, мусульмане действительно правили всей Центральной Азией.

1.1 Мусульманский культурный ренессанс в Китае с Юанем

Значение мусульманского фактора в империи Юань-монгольского государства в Китае определялось не только тем, что мусульмане были главными министрами юаня и контролировали финансы империи, но и их культурным влиянием. В этой связи интересен вопрос о роли языков представителей мусульманского мира в государственной и культурной жизни Китая в эпоху юаня. Юань ши сообщил, что Ханьлинская и Ханьлинь-Гоши-Юаньская Академии Государственной истории были созданы в 1263 году, а в 1289 году пяти чиновникам было поручено организовать преподавание языка «истифи», на котором говорили мусульмане в Юаньской империи. В 1314 году при Министерстве образования юаня было создано Государственное образовательное учреждение Хуэй-Хуэй-Гизи-Цзянь-Сюэ-мусульман, куда были направлены на работу должностные лица, ответственные за преподавание языка «истифи». Более того, преподавание этого языка было в поле зрения великого монгольского хана и императора из династии Юань ши-Цзы или Хубилая Хана, который высказал мнение, что «язык» Истифи «удобен для использования в бумажной работе», а также рекомендовал всем сыновьям сановников и богатым людям ежедневно изучать этот язык. Так, в 1289 году юаньский суд создал в Китае своего рода исламский государственный университет, а в 1314 году преобразовал его в мусульманский департамент образования, где преподавался язык и практиковались мусульманские переводчики. Очевидно, что понятия языка «истифи» и языка мусульман идентичны. Это учебное заведение находилось в Ханбалике, и все переводчики из этого учреждения были отобраны для государственной службы из этого учреждения. Каким был этот язык – персидским (фарси) или арабским? По мнению исследователей, «Istifi», также называемый «Pusumanzi» или «Pusalman», язык в китайских источниках эпохи юаня,

является фарси. Еще в 1246 году великий монгольский хан Гуюк передал послу Папы Римского Плано Карпини послание, написанное по-монгольски уйгурским письмом с параллельными текстами на латыни и на «сарацинском» (мусульманском) языке. Этот так называемый «сарацинский» текст сохранился до наших дней в Ватикане и оказался текстом на персидском языке. Персидский язык-фарси был официальным, третьим по значимости в государственном аппарате Юаньской империи после монгольского (по уйгурской письменности) и китайского, продолжая традицию, возникшую в империи Чингисхана и его первых наследников, где фарси был языком внешнеполитических документов, свидетельствует оригинал письма Гуюк-хана папе и западноевропейским государям. Большинство мусульман, живших в Китае под юанем, пользовались фарси, так как в них доминировали иранские народы – таджики и персы. Следы культурного влияния фарси – это некоторые слова, заимствованные китайцами в эпоху юаня, например, Буг, Банг – сад; Дасиман, Данишманд – мусульманский клирик; деремиши, дирвиши, дирмиши – Дервиш, отшельник; намасы – намаз, мусульманский обряд, молитва. Хотя некоторые из этих терминов пришли из арабского на фарси, они проникли на фарси в Китай во время юаня. Таким словом, например, является Хаджи (Хаджи) – паломник. В Юань-ши, в разделе Тянь-Вэнь (Астрономия), астрономические инструменты находятся в персидских названиях. В китайских источниках эпохи Юань термины Хуэй-Хуэй Вэнь «мусульманский язык», Исифэй-Вэнь «язык Истиифи», Пу-Су-Цзы «язык Пуусман» используются для обозначения языков, на которых говорит мусульманская община. Как свидетельствуют недавние исследования, анализирующие эти термины в китайских источниках, они обозначают персидский язык. В Юань-ши упоминается, что «язык истифи» очень удобен при проверке чисел. Уточняется, что «цифры в *istifi* были удобны для всех, кто знает или не знает этот язык» Это, вероятно, арабские цифры, используемые на фарси. Распространение арабских цифр в Китае в это время связано с расширением сферы охвата персидского языка в Империи Юань [1, с. 21].

В подтверждение высокого статуса фарси как официального языка необходимо обратить внимание на так называемые пайзи – специальные знаки отличия, символы государственной власти, которыми обладали чиновники юаня. Текст на этих «pazza», удостоверяющий полномочия ее владельца, написан на трех языках, включая фарси. Причинами более широкого распространения фарси по сравнению с арабским или другими были, вероятно, преобладание представителей иранских персов, персов, таджиков среди мусульман в Юаньском Китае, а также тот факт, что еще до монгольской эпохи Исламский мир – Иран, Афганистан, Индия и Центральная Азия, вплоть до границ Китая – персидский язык стал основным культурным языком мусульман. В монгольскую эпоху ценность персидского языка не уменьшилась. Фарси, наряду с монгольским языком уйгурской письменности, был официальным языком монгольского государства Илханов-Хулагидов в Иране и на Ближнем Востоке.

В то время также были мусульмане, которые знали арабский и персидский языки, например, внук Хубилая Хана Ван-Анси в своё время наследник юаньского трона. Он учил арабский, Коран и хорошо писал на тазике (одном из диалектов фарси). И даже во дворе Юаня песни и мелодии звучали на фарси. Знаменитый путешественник XIV века, из Марокко об этом свидетельствует Ибн-Баттута, посетивший юань-Китай: «Куртай-главный Эмир Сины (Китая). Мы пробыли с ним три дня и затем он отправил своего сына с нами на канал. Его сопровождали музыканты и певцы, которые пели китайские, арабские и персидские песни. Певцы спели одну персидскую песню и по приказанию сына Эмира повторили ее несколько раз, так что я запомнил ее слова. У песни удивительный ритм». Персидский ученый Мухаммад Казвини обнаружил, что слова Ибн-Баттуты, приведенные этим «газелем» персидским поэтом Саади Ширази, умершим в 1291 году, в свою очередь, сообщают китайские источники этого времени: около века прошло с тех пор, как Монгольская империя, одним из наследников которой была империя Юань, и сейчас многие из них (мусульмане, в основном представители иранских народов), поселяясь в разных уголках нашей страны (Китай), изучают оды,

историю, работают над составлением посланий «К началу XIV века. Ученые Хона, Аравии и Самарканда, спешите в столицу Китая и проводите экзамены перед уполномоченными должностными лицами» Персидский летописец монгольской эпохи Рашид ад-Дин Фазлаллах свидетельствует о людях из Бухары, живших в то время в Китае: «некий ученый по прозвищу Риз из Бухары был с ним Ханом и претендовал на знание алхимии, белой и черной магии». Но люди из Средней Азии и Ирана не только присоединились к китайской цивилизации, они сами повлияли на ее развитие. Известны градостроители юаньской столицы Ханбалык или Дайду (Даду) на месте современного Пекина, предположительно персы Якдар (Эхайдар по-китайски) и его сын Мухаммадшах (Махемашао). Хубилай-хан приказал якдару возглавить строителей и ремесленников из числа персов, таджиков, арабов, которым было поручено строительство специальных палаток и дворцов для монгольских правителей Китая. В 1267 году Якдар и его люди начали строить новую столицу. Под его руководством была построена внешняя крепостная стена города для защиты императорского города, резиденции Великого Хана и его дворцов. Когда строительство было завершено, стены императорского города Хубилая-Хана и его свиту отделили от солдат и чиновников, а также от горожан, чьи покои располагались за внешней стеной. Однако наиболее значительный вклад мусульмане-таджики и персы внесли в развитие астрономии, медицины, географии, военной техники, судостроения и навигации. Китайские источники указывают на использование мусульманского календаря в Китае в это время, такого как «календарь сию» (т. е. страны к западу от Китая.) Пять планет описаны более подробно, чем в Китае, и поэтому был составлен календарь Мадаба. Мадаба – это название мусульманского календаря. Основываясь на этом мусульманском календаре, в котором «периоды солнечных затмений и пути звезд отличались от китайских», е-Лий Чу-цай, выдающийся ученый и государственный деятель Монгольской империи времен Чингисхана и его первых наследников, исправил ошибки, накопленные в китайских календарях Дамин и Ивэй-Юань-Ли. Известно также, что корректировкой китайского календаря позже, при дворе Хубилая-Хана,

занимался персидский астроном Джамаль-ад-Дин. Его расчеты и таблицы использовались в системе времени в Китае с 14 века. Он предложил новый, более точный календарь, известный под китайским названием Ваньянь-ли («календарь на десять тысяч лет»). Джамал ад-Дин прибыл в Китай в 1267 году из монгольского государства ильханов-Хулагидов в Иране и на Ближнем Востоке по приглашению Хубилая-Хана. По прибытии он преподнес в подарок двору Юань солнечные часы, модели Земли и небесных шаров. Джамал-ад-Дин составил трактат об астрономических приборах стран, лежащих к западу от Китая, сию-Исянь, об их семи разновидностях. В уже упомянутом разделе Тянь-Вэнь в Юань-ши указываются особенности и способы использования этих устройств. Обсерватория была построена персидскими астрономами у восточной стены юаньской столицы Ханбалык. В Юаньском Китае, кроме Джамаль-ад-Дина, было много мусульманских астрономов, в основном персов, которые свидетельствуют о деятельности Хуэй-Хуэй Синли («мусульманский календарь»), которая стала достижением культуры Юань. В 1260–1264 годах монгольское правительство Китая учредило сию-синли («управление календарей западной территории»). Информация персов и арабов, по-видимому, использовалась китайцами и монголами при составлении новых карт мира в период юаня, которые очень точно изображали Азию и Европу. Знаменитые Юаньские географы принадлежали таджикскому Шамсу, автору книги «Сю-тутсин о географии стран, лежащих к западу от Китая». Он также был одним из составителей энциклопедии эпохи Юань Цзин-Ши да-Дянь. Его работы на китайском языке посвящены географии Центральной Азии, Ирана и арабских стран [1, с. 43].

Персидско-таджикское влияние сказалось также на цветовом спектре и орнаменте китайского фарфора Юаньского периода. Мусульмане внесли свой вклад в развитие астрологии юаня. Об этом сообщает Марко Поло: «в камбале (Ханбалике) между христианами, сарацинами (мусульманами) и китайцами находится около 500 астрологов и гадалок. Каждый год упомянутые христиане, сарацины и китайские астрологи, каждый отдельно рассматривают курс и характер каждого года

для этой астрологии, в зависимости от положения каждой Луны». Во времена юаня лекарства из Центральной Азии, Ирана и арабских стран получили широкое распространение в Китае, некоторые из которых с тех пор широко используются в китайской медицине и уже упоминались. В летней столице императоров юаня, городе Кайпин или Шаньду на севере Китая, медицинские учреждения были созданы под руководством Кван Хуэй-Сю («Императорские мусульманские больницы») и первоначально укомплектованы только мусульманскими врачами и целителями. Хубилай-хан основал Тайюань («Императорскую медицинскую академию»). Монгольские великие ханы относились к медицине с большим уважением, как к достойной профессии, и для этого у них были свои причины. По свидетельству современника монгольской эпохи ан-Насави: «Самаркандский глазной врач (Кахал) однажды вылечил глаза неверного (Чингисхана.) Офтальмии» Хубилай-хан, страдавший подагрой и другими заболеваниями, был особенно гостеприимен к врачам и находился под впечатлением лечения и лекарств, предоставленных персидскими и центрально азиатскими врачами из его окружения. С 1268 года при дворе юаня было известно лекарство, привезенное из Самарканда под персидским названием «Шарбат» (по-китайски шали), которое использовалось для обезболивания и как слабительное. В 1292 году мусульманские медицинские учреждения были созданы в обеих столицах юаня – Ханбалике (Дайду / Даду) и Кайпинге (Шанда). Ранее три тысячи мусульман, ремесленников из Самарканда, основали в 30-х годах XIII века город Симали в Северном Китае и прославлен своими большими садами в Самарканде. Китайские источники сообщают об этом городе в 1311 году, через сто лет после его основания. В то же время, в период юаня, традиционное имя китайских мусульман, Хуэй (что буквально означает «мусульманин»), вошло в употребление, а среди самих Хуэй или дунган, Ло-Хуэй-Хуэй («почетные мусульмане»). Никогда прежде и в последующие времена в китайской истории мусульмане не играли такой заметной роли в государственной, научной и культурной жизни этой страны, как это было в эпоху юаня под властью монголов, что способствовало возникновению такого явления, как симбиотиче-

ская культура юаня, неотъемлемой частью которой является мусульманская составляющая. Мусульмане называли свою веру не Хуэй Цзяо («мусульманское учение»), как это было официально принято в Китае, а Цин-Чэнь Цзяо («чистое подлинное учение»). Таким образом, мусульмане – выходцы из Центральной Азии и Персидского залива и их потомки, следовали заветам пророка Мухаммеда, который, как говорили, сказал: «Не ленитесь о знании даже для того, чтобы отправиться в Китай, поскольку обучение необходимо мусульманам. Будьте учеными, студентами или слушателями, которые любят учиться. Если вы не принадлежите к перечисленным, вы погибнете».

1.2 Роль императора Чжу Юаньчжана в проникновении ислама в Китай

В период, начинающийся в годы династии Тан (618–907 гг.) и заканчивающийся династией Сун (960–1279 гг.), ислам проник в Китай. Его привезли с собой мусульмане из арабской империи. Ислам в то время существовал в Китае как религиозные верования иммигрантов и имел мало последователей. Начиная с монгольской династии Юань (1271–1368 гг.) и далее, с масштабным переселением и слиянием национальностей, число мусульман начало быстро расти, в результате чего Ислам стал религией многих малых народов. В их число входили уйгуры, казахи, киргизы, дунсяне, салары и другие народы Северо-Запада, а также наиболее многочисленные носители Ислама – представители Хуэйского этноса, которые в то время в основном формировались, имели значительное число и были распространены по всему Китаю. Хуаны занимали высокий социальный статус при юанях, уступая лишь статусу монголов.

В конце династии Юань начался период военных беспорядков, социальное положение Хуэйцев резко ухудшилось, и Ислам потерял свой исключительный статус. После того, как династия Мин (1368–1644) сменила династию Юань на трон, ее первые правители прибегли к обращению к иностранным государствам, в результате чего многочисленные посланники из соседних королевств и иностранные купцы пришли с данью и товарами. Количество таких посещений значительно превысило соответствующие цифры времени правления предыдущей династии Юань. Ислам получил стабильное развитие и еще более широкое распространение, начали оказывать определенное влияние на политику, экономику и культуру. Это явление было тесно связано с одобрительным отношением правителей этой династии к Исламу, которое обычно восходит к большой поддержке и защите ислама, данной этой религии Чжу Юаньчжаном, первым императором династии Мин. Во время династии Мин (1368–1644 гг.), которая сменила монгольский Юань, роль персидского языка была еще очень велика, но в этот период группы мусульман различного происхождения уже перешли на китайский как родной

язык. В то же время Ислам во многом попал под влияние китайских представлений о тексте и китайских учениях, особенно конфуцианства, с помощью которого они «объясняли понятие Ислама» (чжуэ Цзе Хуэй), а также буддизма и даосизма. Для «китаизации» исламских терминов мусульмане изобрели прослеживающие переводы и заимствовали уже существующие конфуцианские, буддийские и даосские термины. В качестве примера таких терминов, слово Тянь-Тан «рай» (буквально «небесный зал»), используемое мусульманами, было изобретено при переводе буддийских источников для соответствующего понятия б. «Первая мусульманская композиция в Китае появилась в 1642 году (Ван Дайю, приблизительно 1584–1670 гг.); в нем нет ничего оригинального-мусульманского; все приспособлено к моральным учениям конфуцианства, как будто оба учения основаны на одних и тех же принципах. С руками счастливого Ван Дайю начались китайско-мусульманские работы, которые не прекращаются и по сей день», - свидетельствовал палладий Кафаров. По словам Чжу Юаньчжана, религия может помочь людям "отказаться от грязных мыслей, вернуться на правильный путь" (心 心 , 道 道), наиболее способствующий укреплению власти династии. После того, как Чжу Юаньчжан взойшел на трон, он начал применять, основываясь на политических соображениях, «комбинацию трех упражнений» (三一) – буддизма, даосизма и конфуцианства, поощряя своих последователей среди крупнейшего китайского народа, Хань. Что касается ислама, Чжу Юаньчжан уважал Ислам и сочувствовал мусульманам.

1.3 Политика императора Чжу Юаньчжана в отношении Ислама

Чжу Юаньчжан почитал и пропагандировал Ислам. Его политика в отношении Ислама имела три основных аспекта:

1. умиротворение, снисходительность и ласковое отношение;
2. уважение Чжу Юаньчжана к Исламу проявлялось прежде всего в его оценке Мухаммеда и книг канонического Ислама. В первый год после основания династии Мин, то есть в 1368 году, во время строительства мечети в Нанкине по Вы-

сочайшему указу, сам Чжу Юаньчжан написал “сто слов, восхваляющих мудрейших” (百百字赞), превознося пророка Мухаммеда. Этот хвалебный текст был скопирован, его копии появились во многих мечетях. В нем Чжу Юаньчжан не только дал положительную оценку Мухаммеду, назвав его «мудрейшим», но и признал важность изучения канонических книг ислама.

3. уважительное отношение императора Чжу Юаньчжана к Исламу также проявилось в поддержке этой веры, о чем свидетельствует его отношение к мечетям. Мечеть является символом ислама, является важной базой для ее распространения и развития. Она тесно связана со всей жизнью мусульманина. Чжу Юаньчжан придавал большое значение строительству и ремонту мечетей. Он издал ряд указов о строительстве и восстановлении мечетей в различных частях Китая. Эти декреты не только предоставляли различного рода льготы на ремонт мечетей, но и защищали религиозную жизнь мусульман и работу мечетей.

1.4 Социально-политические последствия отношения Чжу Юаньчжана к Исламу

Отношение к Исламу основателя династии Мин Чжу Юаньчжана оказало глубокое влияние на последующих императоров этой династии. Уважительное отношение императоров к Исламу проявлялось, прежде всего, в их личной жизни. Например, ислам позволяет своему последователю-мужчине иметь не более 4 жен. Каждый император династии Мин оставалось не более 4 жен официально возвели в этот ранг.

Кроме того, среди потомков Чжу Юаньчжана был император Чжу Houzhaо 朱厚照, который стал искренним последователем ислама. Согласно учению Ислама, свинья является крайне грязным животным, потому что существует запрет на использование свинины в пищу. В 1519 году, Чжу Houzhaо издал указ, запрещающий разведение свиней, которое соответствует позиции ислама. В указе сказано, что умышленно нарушающие это правило будут отправлены на каторжные рабо-

ты. Династия Мин отличалась высоким уровнем централизации власти. Старший дворцовый евнух, блюститель этикета и страж в парчовых одеждах, играл очень важную роль в придворной жизни, так как был близок к императору. И императоры династии Мин часто назначали Хуэя на эти посты, что свидетельствует о доверии Минских императоров Хуэю. Как известно, Хуэй Чжэн занимал такую должность, как Санбао Тайцзянь 三宝 太监 («старший евнух Трех Драгоценностей»). В целях укрепления международного авторитета Империи Мин, достижения стабильной и мирной международной обстановки, развития дружественных отношений с соседними странами три Минских императора неоднократно направляли флот во главе с Чжэн Хэ с миссиями в азиатские и западные страны. Чжэн Хэ отличался необычайными способностями и умом, но еще одной причиной доверия императоров к нему было то, что он был Хуай. Минские императоры находились под сильным влиянием симпатий Чжу Юаньчжана по отношению к Исламу. В таких условиях процветал ислам. Например, в начале династии Мин в Китае было мало мечетей. Затем, по мере увеличения числа Гюйсов, число мечетей постоянно увеличивалось. Большое внимание было уделено переводу и систематизации исламских канонических книг. Тогдашний знаток канонической книги Ху Дэнчжоу 州州 登州 открыл исламскую школу («Дом Корана»), преподавал канон на арабском и персидском языках и обучил многих исламских ученых и наставников каноническим книгам. Эти ученые и наставники, например Ван Дайю, интерпретировали исламскую доктрину с точки зрения конфуцианства, проводя тем самым китайскую интерпретацию исламской доктрины. Свободное распространение и развитие Ислама укрепило связи между Хуайянами. Масштабное строительство мечетей привело к формированию общины Хуэй, способствовало формированию их общего менталитета и привычек, их консолидации как единой общины.

Политика защиты ислама стимулировала дружественные отношения между Империей Мин и зарубежными странами. С одной стороны, отдаленные районы империи Мин долгое время были умиротворены, ее торговля с другими странами

получила необычайное развитие; с другой стороны, благодаря снисходительной политике империи Мин к Исламу многие Хуэй переехали в Китай из западных стран Китая [2, с. 51-62].

1.5 Ислам в период династии Цин (1644–1911 гг.)

Маньчжуры не были мусульманами. Они запретили мусульманам ездить в Мекку для совершения хаджа. В девятнадцатом веке было много войн между династией Цин и мусульман. В таких местах, как Юньнань, Синьцзян и Ганьсу, где было много мусульман, они восстали и попытались создать свои собственные страны. Борьба была напряженной. Часто мусульмане начинали войну внезапным нападением.

Маньчжуры не пользовались популярностью среди остального населения. В 1850 году началось Тайпинское восстание, организованное протестантскими христианами верованиями против династии Цин. Это восстание было успешным в начале, они завоевали большую часть страны и создали столицу в Нанкине. Тайпинские лидеры призвали мусульман тоже подняться. К сожалению, с помощью иностранной армии правители Цин в конце концов разгромили Тайпинскую армию. Войны в провинции Юньнань велись с 1855 по 1873 год, а на северо-западе с 1862 по 1877 год. Чтобы остановить восстание, китайское правительство уничтожило мусульман. Говорят, что миллионы мусульман были убиты. Некоторые мусульмане в Синьцзяне бежали в Россию. В 1895 году произошло еще одно мусульманское восстание.

Эта война и уничтожение сократили число мусульман. В 1910 году было подсчитано, что мусульмане составляют около 1 или 2 процентов населения Китая, или около 7 миллионов.

Развитие ислама в Китае (1911–1945) – анализируя историю ислама в провинциях Китая в период Гоминьдана и японской оккупации, отмечается, что Гоминьдан начал очень жёстко отреагировать на свободу совести и национального равен-

ства в отношении мусульманского общества, даже немногие не могли совершить религиозных обычаи. Находясь в таком состоянии, мусульманское общество попросило помощи, чтобы выступить против Гоминьдана, человека, который работает на власть с лидерами из Нинсян Фу Сян Ма, Ма Хунбинь, и Ма Хонгкуи ещё им называли «клан из трёх Ма». Клан трех Ма представлял китайских мусульманских сторонников течения Синь Цзяо. Нанкинская администрация объявила генералов Ма суверенными правителями всех китайских мусульман и помогала им в борьбе против их религиозных противников. Однако в целом за годы существования Республики Социальная и конфессиональная деятельность китайских мусульман расширилась. В стране возникают и действуют десятки религиозных, общественно-политических, научных и благотворительных исламских организаций, представители которых стремились популяризировать Ислам в китайском обществе и пробудить интерес к этой религии у самых широких слоев китайского населения. Научная, образовательная, благотворительная деятельность многочисленных общественных организаций и союзов китайских мусульман стимулировала развитие исламского образования. В это время почти во всех населенных пунктах, где компактно проживали мусульмане, были открыты начальные школы и библиотеки. В провинции Хэйлуунцзян главным образовательным центром мусульман был город Харбин. В провинции Ляонин крупнейшие образовательные центры мусульман были расположены в городе Шэньян. Широко известна среди жителей провинции Ляонин и школа в городе Бэньси, а также ряд других учебных заведений.

В 1930-х годах на развитие ислама в северо-восточных провинциях Китая сильно повлияла оккупация этих территорий милитаристской Японией. Стремясь превратить территорию Маньчжурии в собственную колонию для дальнейшего прогресса в Китае, японское правительство возложило на китайских мусульман одну из главных ролей в осуществлении завоевательной политики. По расчетам японских стратегов, именно мусульмане в силу существующих этно религиозных противоречий с китайцами могли поддержать Японию в китайско-японской

войне. Желая распространить свое влияние на мусульман, новые власти инициировали процесс создания религиозных и национальных обществ. Так, в июле 1932 г. японцы создали Исламскую лигу в Синьцзине (Чанчунь), столице марионетного государства Маньчжурия, на севере Китая. Во время японской оккупации эта организация полностью контролировала религиозную жизнь мусульман на северо-востоке Китая. Создавая подконтрольные национальные и религиозные организации, японское правительство создавало видимость «заботы» о национальных и религиозных меньшинствах, а также пыталось подчинить мусульманское население Китая и использовать его в качестве союзников в борьбе против китайцев.

Следует отметить, что японское правительство жестко ограничило свободу вероисповедания мусульман. Так, во время богослужений китайские мусульмане обязались почтить японский императорский храм и произнести молитву Тяньчжаодашэнь. Несоблюдение этого ритуала рассматривалось как проявление нелояльного отношения к императору Японии. Эта практика вызвала скрытый протест у многих мусульман, поскольку она грубо нарушала религиозные и религиозные нормы Ислама.

Политика японских захватчиков вызвала массовые протесты мусульманского населения северо-восточных провинций Китая. Мусульмане северо-восточных провинций Китая приняли активное участие в национально-освободительной войне против японских захватчиков. В сотрудничестве с Коммунистической партией Китая они в тылу японских войск создали тайные общества и партизанские отряды и внесли значительный вклад в дело освобождения Китая от японских захватчиков.

1.6 Ислам в Китае (1945–1976)

Развитие мусульманских общин в северо-восточных провинциях Китая в годы, непосредственно предшествовавшие созданию Китайской Народной Республики и в первые десятилетия своего существования, хорошо изучены. Отмечается, что

к концу восьмилетней национально-освободительной войны против японских захватчиков и решения задач по восстановлению национального суверенитета в 1945 году не принесли Китаю долгожданного мира. Еще до капитуляции Японской армии начались столкновения вооруженных сил Коммунистической партии Китая и Гоминьдана. После победы над Японией эти столкновения приобрели характер гражданской войны китайского масштаба. Важную роль в этом противостоянии сыграли мусульмане, большинство из которых встали на сторону КПК и Народно-освободительной армии. Приход КПК к власти в стране и провозглашение Китайской Народной Республики (1949) оказало положительное влияние на положение китайских мусульман. В Конституции КНР закреплены общедемократические права и свободы. Мусульмане Китая получили все гражданские и политические права. Создание национальных автономий в 50-х годах XX века имело большое значение для сохранения и дальнейшего развития духовной культуры национальных и религиозных меньшинств Китая. В Китае была создана Исламская система образования. Мусульмане имели возможность влиять на политическую и культурную жизнь страны через свои общественные организации и средства массовой информации; общаться с единоверцами из других стран; совершить паломничество в Мекку и Медину. Однако позже, во время «Культурной революции» (1966–1976 гг.), отношения между мусульманами и правительством значительно обострились. В это время руководство КНР радикально пересмотрело основные принципы прежней национальной и религиозной политики. Таким образом, концепция национальных автономий была объявлена устаревшей, что позволило не Ханьским этническим группам сохранить свои социокультурные традиции и обычаи. Как и во времена Гоминьдана, был взят курс на этническую ассимиляцию и создание единой китайской нации. В сфере религиозной политики, был взят курс на насильственное искоренение религии. Комитет по делам религий прекратил свою деятельность, религиозные лидеры были исключены из партийных рядов, государственных структур и общественных организаций. Не соблюдались гражданские права верующих, уничтожались предметы и предметы религи-

озного культа. «Культурная революция» стала настоящей трагедией для китайских мусульман. Радикальные левые идеологи КПК объявили Ислам «западным влиянием», чуждым китайской культуре. Была организована «группа революционной борьбы за ликвидацию Ислама». Члены этой группы вели активную антиисламскую пропаганду, требуя закрыть все мечети и исламские объединения, запретить мусульманские обряды (свадьбы, похороны, обрезание и др.), отправлять имамов, Ахунов и других священнослужителей в трудовые лагеря. Массово начали закрывать мечеть. Некоторые из них были уничтожены красногвардейцами, а некоторые превращены в «музеи классовой борьбы» или производственные предприятия. В это время мусульмане, как и представители других религиозных конфессий Китая, не могли свободно проводить богослужения, следовать своим религиозным традициям. Ислам, по сути, находился в нерегулярном положении.

Ислам в Китае (1976–2006 гг.) – анализируется история ислама в 80–90-е годы 20 века, а также характеризуется современное состояние мусульманских общин в провинциях Ляонин, Гиринь, Хэйлуньцзянь. Отмечается, что КНР создала нормативно-правовую базу, регулирующую государственно-религиозные отношения в стране. Так, принципы свободы совести были закреплены в обновленной Конституции КНР, принятой в 1978 году, и впоследствии подробно изложены в действующей Конституции 1982 года. В 1980–1990-е годы был принят ряд законов, обеспечивающих гражданские права верующих, что способствовало созданию благоприятных условий для возрождения религиозной жизни в стране. В эти годы активно восстанавливались мечети, разрушенные во время «Культурной революции» Значительную финансовую помощь в этом вопросе мусульманским общинам оказало государство. Только за период с 1981 по 1984 года правительство КНР выделило 6 миллионов юаней на реставрацию мечети. Существенную помощь мусульманам оказывают местные власти. Так, в провинции Хэйлуньцзянь с 1980 по 1990 годы национальные правительства городов Харбин, Цицикар, Муданьцзянь, Цзямусы, Хэган, Дацинь, Ичунь, Суйхуа, Хэйхэ выделили 3 миллиона 740 тысяч юаней на восстановление мечетей. Провинциями Ляонин и Гиринь

местным мусульманским общинам была оказана большая финансовая, организационная и техническая помощь в восстановлении мечетей. За счет местных властей были реконструированы мечети в Шэньяне (1981 г.), Даляне (1990 г.) и Цзиньчжоу (1983 г.). В общей сложности в 80-х–90-х годов 20 века в провинции Ляонин было отремонтировано 100 мечетей и построено 94 мечети. За это время мусульмане при поддержке властей отремонтировали и построили 90 мечетей в провинции Гирин. Благодаря участию государства мусульмане Китая смогли не только восстановить религиозную инфраструктуру, разрушенную в годы Культурной революции, но и значительно ее развить. Это обстоятельство способствовало значительному увеличению числа мусульманских общин в северо-восточных провинциях Китая.

Выводы по первому разделу: ислам начал проникать в Китай во время династии Тан. При этом, особую роль играл император Чжу Юаньчжана.

2 СОВРЕМЕННЫЙ ИСЛАМ

Сегодня в Китае этнические группы мусульман в основном расселены вдоль границ в провинциях Юньнань, Тибет, Синьцзян, Ганьсу и Хэнань. Из 56 национальных меньшинств около 10 групп классифицируются как мусульманские, хотя люди могут исповедовать другую религию или не исповедовать никакой. Три группы относительно ранних монгольских поселенцев проживают в основном в провинциях Цинхай (тюрки-салары, в общей сложности 130 607 человек по данным переписи 2010 года) и Ганьсу (монгольские Баоани и Дунксы, 20 074 и 621 500 человек соответственно).

Для характеристики политики китайских властей относительно уйгуров СУАР уместно сравнение с другой народностью КНР, также исповедующей ислам. Речь идет о хуэйцах, населяющих Нинся-Хуэйский автономный район. Даже в нем их доля не превышает 34 %. Данная территория вошла в состав китайской империи примерно в III веке до н. э. и более чем за тысячу лет глубочайшим образом укоренена в общекитайском культурно-историческом поле.

Кроме того, географически территория хуэйцев расположена внутри территории КНР, хотя и с сильным смещением к северу страны. Хуэйцы разговаривают на тех же диалектах, что и местное Ханьское население, выглядят, как китайцы, и по факту ими и являются. Единственное, пожалуй, броское отличие связано с запретом ислама на употребление свинины и алкоголя. Таким образом, Хуэйцы не рассматриваются в Китае как этническая «группа риска».

С уйгурами всё иначе. Эти граждане Китая для титульных китайцев остаются постоянной «группой политического риска». Уйгурский язык относится к тюркским, письменность уйгуров основана на арабском алфавите, и сами коренные жители выглядят иначе, чем Ханьцы – крупнейшая государствообразующая народность Китая. Сегодняшние уйгуры – это замкнутая этническая группа, мало подверженная ассимиляции, чтящая всё, что составляет ее идентичность: культу-

ру, историю, религию. Историческим топонимом этой территории является Восточный Туркестан.

Хуэйцы известны тем, что сами делают лапшу из свежей пшеничной муки в своих ресторанах и нельзя есть свинину. Они пытаются распространять свои блюда по всему Китаю. Рынки для них есть почти в каждом городе, потому что мусульмане традиционно не едят свинину. Конечно, есть еще другие законы питания, которые похожи на иудаизм, поэтому мусульмане не могут ходить в обычные китайские рестораны. Но на самом деле, они делают очень вкусную лапшу. Хотя правительство считает, что Хуэй является этнической группой, на самом деле это всего лишь китайские мусульмане, которые, возможно, произошли от монголов или иностранных торговцев и администраторов. Эти рестораны расположены почти на каждой улице в китайских городах, и нам кажется, что мусульмане-великая национальность Китая. Это неправда. Мусульмане составляют около 2% населения, а христиане-около 5%.

Из-за интенсивных боев между китайцами и мусульманами в 19-м и 20-м веках государство не хотело, чтобы люди верили в религию раньше, поэтому большинство мусульман в Китае не очень набожны. Люди считаются мусульманами, если они имеют этническое мусульманское происхождение, не едят свинину и соблюдают некоторые другие обычаи. Однако теперь, когда религия уже разрешена в Китае, этнические люди имеют больше контактов с иностранными мусульманами. Мечети восстановлены. Многие люди имеют большой интерес к религии и следуют мусульманской традиции, как молитва, и собираются в мечети.

Китайцы никогда не уделяли Исламу столько внимания, сколько своему собственному буддизму. Существует множество различных мусульманских сект и групп в различных регионах страны и в различных этнических группах. Иногда группы сражались друг с другом и исчезали. Некоторые из них были суфиями. Группа под названием «喜道堂» в 19 веке смешала даосизм с Исламом. Тем не менее, китайский народ никогда не разрабатывал свой собственный бренд Ислама. Они мусульмане-сунниты. Единственными видами иностранного Ислама, с

которыми контактировали китайцы, были шииты и сунниты. Это в противоположность буддизму, который развивался как несколько иностранная философия буддизма и сочетался с русской философией – даосизмом и другой популярной религией. Поэтому китайский буддизм – это смесь буддизма и даосизма. Напротив, Ислам имеет базовый стандартный текст, который называется Коран и еще одну долгую объяснительную историю в других странах. Обряды, обычаи и толкования Корана четко объясняются на Ближнем Востоке. Таким образом, несмотря на то, что верования китайского даосизма сильно повлияли на местных мусульман, и поэтому китайские мусульмане могут рассматривать такие вещи, как инь, ян и Ци. Сравнительно, в отличие от китайского буддизма, ни одна версия ислама не разрабатывается в Китае взамен того, что принято на Ближнем Востоке. В течение последних двух десятилетий мусульмане в других странах, особенно в Турции и Саудовской Аравии, пытались поддерживать и распространять учения суннитского ислама.

Еще одним фактором, способствующим распространению знаний и интереса к Исламу, является поездка китайцев в исламские страны для получения образования и совершения хаджа. Хадж называют «столпами Ислама». Если мусульманин может отправиться в Мекку в Саудовской Аравии и принять участие в обходе вокруг храма и участвовать в обрядах, это считается очень важным для его спасения. Мусульмане, которые возвращаются из Мекки, пользуются большим уважением. Китай очень далеко от Мекки, и раньше, особенно во времена Монгольской империи, сухопутные путешествия были трудными или невозможными из-за войн. Синьцзян несколько веков был зоной влияния Китая, но одновременно территорией бунтов, восстаний, завоеваний, разделов и междоусобиц. Уйгурский каганат VIII–IX вв. имел множество политических «государственных наследников», каждый из которых, не добившись внутренней консолидации, в итоге утрачивал самостоятельность. В разные периоды истории территория проживания уйгуров подолгу оставалась зоной политической нестабильности. И неудивительно, что с

момента официального создания СУАР в составе КНР в 1955 году центральные власти Китая проводят там жесткую политику.

Однако политика эта несет в себе отнюдь не только запреты. Например, уйгуры как национальное меньшинство имеют послабления в части государственной политики «одна семья – один ребенок».

Известно также, что этноним Хуэй был записан до начала монгольского правления в письменных источниках, датируемых династией Северной Сун (960–1127 гг.). Затем оно стало общим названием для ряда народов, которые жили в пределах современного Северо-Западного Китая, независимо от их религии. Начиная с эпохи юаня и вплоть до середины двадцатого века. слово *hui hui*, напротив, ассоциировалось с любым Исламским народом и исламом в целом (ср. однако современные термины *исилан*, *исиланджао* «Ислам, мусульманин»). И, наконец, сначала в документах КПК, а затем официально в Китайской Народной Республике этноним Хуэй (*Hui-hui*, *Hui-hui* «национальность Хуэй») ассоциировался только с теми мусульманами, которые используют китайский язык в качестве родного.

2.1 Восточный Туркестан (Уйгурстан, Уйгурия)

Восточный Туркестан (Уйгурстан, Уйгурия), также с 1955 года известный как Синьцзян – Уйгурский автономный район Китая, расположен в самом сердце Азии. Из-за своего удобного расположения на древнем Шелковом Пути, более 2000 лет он был знаменитым центром торговли. Земля Восточного Туркестана дала рождение многим великим цивилизациям, и на различных этапах своей истории был колыбелью знаний, культуры и государственности. Действительная территория Восточного Туркестана составляет 1,82 млн. кв. км. Находясь по соседству с провинциями Китая.

На востоке Восточный Туркестан граничит с Китаем и Монголией, на севере с Россией, на западе с Казахстаном, Киргизстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном и Индией, а на юге с Тибетом.

Восточный Туркестан имеет богатую историю и различные географические особенности. Восточный Туркестан имеет очень классный пейзаж, огромные горы, красивые реки, леса и луга.

Восточный Туркестан – это родина тюрко язычных уйгуров и других народов центральной Азии, таких как: казахи, киргизы, узбеки, татары и таджики.

Согласно последней переписи населения в Китае 2010 года, официальная численность населения Восточного Туркестана составляет 21,81 миллионов человек, включая 8,75 миллионов этнических ханьцев (40,1%), незаконно переселившиеся в Восточный Туркестан после 1949 года (в 1949 году численность этнических ханьцев составляло 260 000 человек). Уйгуры примерно составляют 10,2 миллионов (согласно переписи населения 2000 г.; данные по численности уйгуров за 2010 год все еще не опубликованы) и по-прежнему составляют большинство населения Восточного Туркестана. Тем не менее, растущее число этнических ханьцев делает уйгуров второсортными на собственной земле.

История уйгур насчитывает более 4000 лет. Великий Шёлковый Путь пролегал через земли уйгуров, и уйгуры сыграли очень значимую роль в культурном и религиозном обмене между Западом и Востоком, помимо того, что развивали свою цивилизацию и культуру. Взаимосвязь между уйгурами и мусульманами началась в начале IX в.

Процветали искусство, наука, музыка и литература, так как исламские религиозные институты были заинтересованы в развитой культуре. В этот период появляются сотни всемирно известных уйгурских ученых, написано тысячи ценных книг. Самыми важными среди этих работ являются: книга уйгурского ученого Юсупа Хаса Хаджиба, «Кутадгу билиг» («Наука о Счастье», 1069–1070 гг.), и Дивани Лугат ат Тюрк (словарь тюркских наречий), Махмуда Кашгари.

Во время Цинского периода независимое уйгурское ханство в Восточном Туркестане – Ханство Саида, так же известное как Яркентское государство, было оккупировано в 1759 году Цинской династией, так Восточный Туркестан присоединился к Цинской империи. Маньчжурские правители управляли Восточным Туркестаном как военной колонией в период с 1759 по 1862 год. За этот период уйгуры Восточного Туркестана смело выступали против иностранного правления в их стране. Они 42 раза восставали против цинского правления с целью восстановления независимости. Окончательно маньчжуро–китайские войска были изгнаны в 1864 и уйгуры восстановили независимое государство под названием «Йэттэшахар» (Семиградье). Тем не менее, независимость длилась не долго, в 1876 году Китайские войска снова вторглись на территорию Восточного Туркестана.

Китайское правление в Восточном Туркестане. После того как в 1911 году китайские националисты свергли Цинскую Империю, Восточный Туркестан попал под управление китайских военачальников, которые в последние годы правления Цинской Империи контролировали администрации провинций. В этот период центральное правительство Китая имело небольшой контроль над Восточным Туркестаном. Уйгуры, которые хотели освободить себя от иностранного ига, организовывали множество восстаний против китайского режима, и дважды (в 1933 г. и 1944 г.) достигли восстановления независимой Восточно-Туркестанской Республики. Тем не менее, независимость республики закончилась, в результате военного вторжения и политических интриг со стороны Советского Союза.

В октябре 1949 войска Народной Освободительной Армии Китая вошли в Восточный Туркестан, окончательно свергнув независимое государство ВТР. На территории Восточного Туркестана китайские коммунисты образовали Синьцзян – Уйгурский автономный район.

Китайское коммунистическое правительство использует ужасные репрессивные методы в различных кампаниях против уйгуров и других местных народов Восточного Туркестана, с целью полного освоения территории Восточного Туркестана.

Против жестокой, разрушительной и репрессивной политики Китайского правительства против самоопределения и существования коренного народа, уйгуры и другие местные народы. На мой взгляд, правительство Китая сделало этого для того, чтобы уменьшить исламское давление из соседних стран.

21 мая 2018 года, взоры уйгуров были устремлены на онлайн-трансляцию 17-го заседания Комитета по Неправительственным Организациям, ООН. Яблоком раздора между Китаем, его лакеями и странами Запада – стал консультативный статус на Экономическом и Социальном Совете ООН. Заседание велось сугубо между делегациями разных стран, представители ООН на нем не присутствовали.

Китай как обычно игнорирует призывы остановить нарушение прав человека на территории СУАР, и не расставаясь со своей излюбленной, старой мантрой, обвиняет ВУК и его президента Долкуна Ису в терроризме и сепаратизме. Китайский представитель, нацепивший на лицо фальшивую улыбку, предпочел переиначивать истину происходящего репрессивного беспредела, потоком бессмысленного словоизлияния. По его словам, у уйгуров есть свобода слова и вероисповедания. Не раздумывая, он назвал любые контрадикторные заявления – попыткой «очернить» Поднебесную.

Долькун Иса после участия в некоторых мирных студенческих протестах в конце 1980-х годов бежал из Китая в 1997 году. Сегодня он является гражданином Германии. Он был обвинен Пекином в том, что он «участвует, разжигает и финансирует сепаратизм и терроризм в течение многих лет».

Соединенные Штаты отвергли требование Китая отозвать специальный консультативный статус ВУК – общественной организации, основанной в Германии, которая занимается продвижением прав человека и определяет себя как: «общественно–политическое движение против Китайской оккупации Восточного Туркестана».

2.2 Мечети в Китае: функции и архитектурные особенности

В этой работе анализируется структура мусульманских мечетей Китая, выявляются своеобразные архитектурно-функциональные особенности культовых сооружений китайских мусульман. Отмечается, что в настоящее время в Китае насчитывается более 20 тыс. мечетей, из них 280 находятся на северо-востоке

страны. Конечно, все мечети в Китае можно разделить на две группы. Первая – здания, выполненные в китайском стиле, вторая – религиозные здания, повторяющие арабский архитектурный стиль. Для мечетей, выполненных в китайском стиле, основным строительным материалом является дерево. Мечети такого типа особенно распространены там, где проживают представители мусульманской группы Хуэй. Мечети в арабском стиле, для строительства которых обычно использовался камень, характерны для территорий, населенных мусульманами-уйгурами.

Поскольку большинство мусульман в Северном Китае принадлежат к общине Хуэй, в той мере, в какой их религиозные здания в этом регионе чаще всего выполнены в стиле традиционной китайской архитектуры. Таковы, например, мечети в Шэньян, Чанчунь, Цицикар, Elai, Ачэн и Нин Ань и в других городах.

Более 30 мечетей и знаковых для уйгуров исторических мест были снесены в Китайской народной республике за последние 3 года. С 2016 года из 91 религиозного объекта в Синьцзян-Уйгурском автономном районе 31 сооружение и 2 культовых постройки оказались сильно повреждены.

Об этом пишет британская газета *The Guardian* со ссылкой на совместное с *Bellingcat* расследование. Между тем, по словам местных жителей, снесенных мечетей гораздо больше 30 – уничтожены тысячи религиозных зданий в мелких деревнях. В некоторых местах власти сохраняют молельные дома, но снимают с них купола и демонтируют минареты. Среди уничтоженных оказалась мечеть Ютиан Аитика, построенная еще в 1200 году. Одна из крупнейших мечетей региона Каргилик тоже была снесена, как и комплекс Имам Асим.

С 2017 года в СМИ появляется информация о распространении в Китае сети так называемых «лагерей перевоспитания». Пекин долгое время отрицал принудительное заключение мусульман в подобные центры. Впервые их существование было официально признано в октябре прошлого года. Тогда в одном из официальных документов органов власти Синьцзян-Уйгурского автономного района упоминалось, что там преподают право, «ведется идеологическая воспитательная

работа, заключенным помогают привести в порядок мысли, исправить поведение, выучить государственный язык». По словам политолога Руслана Айсина, давлению в Китае подвергаются все монотеистические конфессии, а особые негативные отношения у страны сложились с тюркским миром.

Руслан Айсин: «Китай проводит откровенную антиисламскую политику на территории СУАР, всячески притесняет местных мусульман, уничтожает мусульманскую инфраструктуру. И всем своим видом дает понять, что в стране будет только одна идеология, она же – атеистическая, коммунистическая».

Международное сообщество бьет тревогу. Организация Объединенных Наций потребовала от Китая прекратить репрессивную политику в отношении уйгуров. По словам члена комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации Гэй МакДугал, всего в «лагерях перевоспитания» могут удерживаться до 2 млн уйгуров и представителей других мусульманских тюркских национальных меньшинств.

Гэй МакДугал, члена комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации: «Мы глубоко обеспокоены многочисленными и заслуживающими доверия сообщениями, которые мы получили от Организации по борьбе с религиозным экстремизмом и по поддержанию социальной стабильности в Китае, что власти превратили Уйгурский автономный район в нечто похожее на тайный массивный лагерь интернирования, в своего рода «зону бесправия»... Мы призываем Пекин прекратить свою контрпродуктивную политику и освободить всех тех, кто был произвольно задержан».

Уйгурское национальное движение, правозащитные организации и многочисленные эксперты уже много лет обращают внимание международного сообщества на критическую ситуацию в Восточном Туркестане. По общему мнению, на глазах у всех под видом борьбы с экстремизмом и терроризмом ведется политика насильственной ассимиляции и искоренения этнической и религиозной идентичности целого народа.

Выводы по второму разделу: современные мусульмане живут в провинциях Юньнань, Тибет, Синьцзян, Гансу и Хэнан.

3 ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ СЕПАРАТИЗМА В СУАР КНР

В данной главе рассматриваются следующие вопросы: геостратегическое положение Синьцзяна; влияние сирийского конфликта на политическую и экономическую обстановку в Синьцзяне; китайская военная помощь Сирии; США и «всемирный уйгурский конгресс».

3.1 Геостратегическое положение Синьцзяна

СУАР место, где нестабильной положении. Он расположен на границы с Казахстаном, Киргизией, Пакистаном и Афганистаном. Очень часто случается приезжающие из Афганистана и Пакистана бывает характер исламский фундаментализм. И это ещё один серьёзный удар по экономике СУАР.

На данный момент значительное ухудшение геополитической ситуации во втором десятилетии XXI века также оказывает негативное влияние на ситуацию в Синьцзяне. От Ближайшего Востока до СУАР и так достаточно проблемное место например: 1) восточный часть Узбекистана с Киргизии и Таджикистаном, 2) Кашмир, 3) Северный Пакистан, 4) Афганистан, 5) Белуджистан разделённый между Пакистаном, Афганистаном и Ираном, 6) Тибет Индии и Пакистан Эти все регионы прямой или косвенной степени связны. После распада СССР Таджикистан очень сильно пытался забрать Восточный часть Узбекистана. Таджикистан не только с Узбекистаном контактировал но и с Афганистаном тоже. Ещё одно место Памир прямой влияет на Синьцзяне. В большинстве этих стран борьба за социальную справедливость идет под знаменем исламского фундаментализма, иногда с применением экстремистских мер. Как упоминалось выше, на ситуацию в Синьцзяне влияет ситуация в Ферганской долине-постоянно нестабильном регионе, где конфликт может вспыхнуть в любой момент. Географическая близость к южным районам Синьцзяна была одной из причин переселения уйгуров из Ки-

тая в долину. Как и сами Ферганы, уйгуры из Хотана, Кашгара, Аксу и Ухтурфаярые приверженцы ислама. Этот факт сыграл определенную роль в их культурной ассимиляции с жителями Ферганской долины. Таким образом, исламский фундаментализм, который в настоящее время упорно проникает через афганотаджикский коридор, может найти своих последователей, прежде всего в Ферганской долине. И в этом регионе, анти-китайских выступлений, в отличие от Урумчи и Кульдже регионах, часто проходят под исламскими лозунгами. Ферганская долина также представляет особый интерес и озабоченность в связи с тем, что эта территория была и остается своего рода катализатором уйгурских движений, главным образом на Западе и юге Синьцзяна. В доказательство этого можно вспомнить печальные события 1871–1881 годов, когда здесь произошло крупное антикитайское восстание, в результате которого образовалось мусульманское государство Якуб-бек, уроженец Ферганской долины. Хотя в то время удалось подавить центр исламского сопротивления, тем не менее, это было достигнуто с большим трудом. Синьцзян и Фергана находятся под влиянием радикальных сепаратистов, которые используют элементы салафитской идеологии в своих политических программах. Английский исследователь Дж. Рудельсон, проведший несколько лет в этой автономной области, считает, что западные и северные территории Таримского бассейна от Кашгара до города Куч исторически относятся к западному Туркестану, и в частности к народам, населяющим Ферганскую долину и сам город Коканд, Андижан, Ош и их окрестности. Ситуация в Ферганской долине также усугубляется стремительной радикализацией жителей этого региона, которая наблюдается в последние годы в связи с падением уровня жизни населения, сокращением количества рабочих мест и реальных доходов. Следовательно, растет социальная напряженность, растет число недовольных, особенно среди молодежи. Здесь также следует отметить, что в связи с непосредственной близостью к Афганистану стабильности как самой Ферганской долины, так и государств Центральной Азии в целом серьезно угрожает присутствие запрещенного в России Исламского государства. Учитывая, что Афганистан является своеобразным мо-

стом для переброски террористов в Центральную Азию, а также тот факт, что большое количество граждан региона присоединились к террористической группировке ИГ в Сирии и Ираке, можно предположить, что в этих странах имеется большое количество сторонников «Исламского государства» (террористическая организация запрещена в России). Нестабильность военно-политической обстановки в Афганистане с конца 90-х годов начала оказывать все более негативное воздействие на центрально азиатский регион и СУАР. XX век. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос исламистского радикализма и экстремизма, а также международного терроризма. И если в первой половине 1990-х. ситуация в Афганистане не оказала существенного влияния на Китай, тогда с появлением движения «Талибан» на военно-политической арене ситуация начала заметно меняться. Успех его последователей в вооруженном конфликте с другими афганскими группировками и захват власти в государстве во второй половине 1990-х годов способствовало созданию чрезвычайно благоприятные условия для активизации различных радикальных и экстремистских сил в Афганистане. И все это, в свою очередь, негативно сказалось на ситуации в Центральной Азии и Синьцзяне. Эти события помогли превратить Афганистан в базу международного терроризма. В Афганистане также наблюдалось появление членов уйгурских группировок из Синьцзяна, которые могли приобрести военный опыт путем участия в различного рода боевых действиях на стороне талибов, а также путем обучения в лагерях «Аль-Каиды». А по возвращении в СУАР они могли непосредственно участвовать в вооруженных столкновениях и действиях против представителей властей КНР, а также быть инструкторами на учебно-тренировочных базах, созданных в достаточно отдаленных районах Китая. Активисты уйгурских сепаратистов не без оснований полагали, что «Аль-Каида» и «Талибан» являются реальной силой, способной оказать существенную помощь в формировании независимого исламского государства на территории Синьцзяна.

Таким образом, с приходом к власти в Афганистане талибов, как в Центральной Азии, так и непосредственно в самом Синьцзяне, различные радикальные исламистские организации и группировки стали распространяться еще активнее. Прежде всего, следует отметить партию «Хизб ут-Тахрир аль-Ислам» и Исламское движение Узбекистана. Угроза исламистского экстремизма и радикализма стала для Китая вполне реальной. На данный момент присутствие террористической группировки ИГ в Афганистане усиливает волнения в Китае, особенно с учетом Великого хорасанского плана, согласно которому «Исламское государство» планирует перебросить свои войска в Центральную Азию для захвата Ферганской долины, где активно действуют многие экстремистские группировки, и продвижения к китайским границам в Синьцзяне. Что касается Пакистана, то для Китая очень важно контролировать ситуацию с исламистскими террористическими и экстремистскими группировками практически в приграничной зоне Китая с помощью пакистанских структур. Пакистан неоднократно заявлял о своей невинности в террористических актах, совершенных «Исламским движением Восточного Туркестана», и неоднократно выражал намерение оказать помощь китайскому правительству в борьбе с боевиками этого движения. Поддержка боевиков, обосновавшихся в Пакистане, Исламабаду совершенно не выгодна. Для Пакистана Синьцзян-это не полигон для подготовки террористов, а платформа для укрепления экономических связей с Китаем. Тем не менее, само наличие как минимум трех этнических конфликтов в Пакистане практически у границ КНР вызывает серьезную озабоченность у китайских властей. КНР особенно интересуют различные проекты в области строительства и развития инфраструктуры в районе Гилгит-Балтистан - части Кашмира, контролируемой Пакистаном, поскольку эта территория находится на пересечении многих глобальных интересов: Афганистан - на севере, Китай - на северо - востоке, пакистанская провинция Азад Кашмир-на юге и индийский штат Джамму и Кашмир-на юго-востоке. Пакистан для китайского СУАР является выходом в Индийский океан через пакистанский порт Гвадар, переданный пакистанскими властями в управление Китайской государствен-

ной компании. Следовательно, дестабилизировать Синьцзян-значит отрезать КНР от Пакистана и, как следствие, от доступа в Индийский океан. Такой поворот событий может быть выгоден Индии, США, один из главных соперников Китая на мировой арене, является ключевым союзником в Южной Азии.

3.2 Влияние сирийского конфликта на политическую и экономическую ситуацию в Синьцзяне

Крупный военный конфликт на Ближнем Востоке в настоящее время оказывает серьезное воздействие на ситуацию в СУАР. Это своего рода угроза и вызов безопасности Китая, а также возможность извлечь для себя определенную выгоду, грамотно используя ситуацию. Особенность этого конфликта заключается в том, что она затрагивает не только политическую, но и экономическую ситуацию в Синьцзяне, а также в Китае в целом. Что касается политического аспекта, то здесь следует отметить, что появление на Ближнем Востоке новой активной силой в лице «Исламского государства» создает определенные риски для КНР. Во-первых, стоит отметить, что эта террористическая организация в последнее время активизировала свою деятельность в Афганистане. Соответственно, свои позиции «Исламское государство» укрепляет в соседнем Пакистане. Конечно, учитывая, что СУАР непосредственно граничит с Афганистаном и Пакистаном, регион интересен и «Исламскому государству», учитывая недовольство уйгурского населения Китая своей позицией, а также присутствие радикальной молодежи, которая готова предпринять активные шаги по изменению сложившейся ситуации и возможному созданию независимого мусульманского государства. Ввиду того, что граница между СУАРОм и Пакистаном, Афганистаном и Таджикистаном проходит по горной местности, боевики из различных фракций имеют возможность пересечь китайскую границу, прихватив с собой оружие. Тем не менее, КНР до сих пор эффективно подавляла такую деятельность. Представляется, что долгосрочная дестабилизация политической ситуации в Сирии, и особенно распад государ-

ства или победа религиозных экстремистов и формирование непредсказуемого теократического государства, совершенно непривлекательны для Китая. С другой стороны, как уже упоминалось выше, Китай опасается, что религиозные экстремисты из стран Ближнего Востока могут проникнуть на его территорию через Афганистан или республики Центральной Азии. Здесь также стоит отметить, что уйгурские сепаратисты могут попытаться воевать с КНР на территории центрально-азиатских государств. Можно вспомнить инцидент с нападением на посольство Китая в Бишкеке 30 августа 2016 года. 6 этнический уйгур, гражданин Таджикистана, оказался террористом. Это первое нападение радикальных уйгурских сепаратистов на официальные институты КНР за пределами Китая. Подтверждено, что часть уйгуров вовлечена в боевые действия в Сирии, и если они решат воевать с Китаем на территории среднеазиатских республик, это может повлечь за собой ухудшение ситуации в регионе, учитывая более низкий уровень подготовки спецслужб Кыргызстана или Казахстана по сравнению с китайцами. Таким образом, если уйгурские сепаратисты начнут борьбу против Китая на территории постсоветских республик, это вызовет большие проблемы безопасности в этих республиках. Следующая проблема, стоящая перед Китаем в связи с активизацией боевиков на Ближнем Востоке, - экономическая, которая представляет серьезную угрозу для проекта «Один пояс-один путь». Его отправной точкой является СУАР. Для Китая реализация экономического пояса Шелкового пути (СЭБ) чрезвычайно важна. Это не только развитие западных регионов Китая до уровня восточных регионов, но и, несомненно, модернизации Синьцзян-Уйгурского автономного района. Это видно, если посмотреть на измененную транспортную инфраструктуру региона.

Улучшение экономической ситуации, повышение уровня жизни, создание новых рабочих мест, вовлечение местного населения в проекте, стимулирования торгово-экономического и энергетического обменов с республиками Центральной Азии будет способствовать стабилизации ситуации в СУАР. Сам путь проходит в опасной близости от ближневосточного региона, где оппозиция Исламскому гос-

ударству находится в острой фазе. В связи с этим следует обратить внимание на возможный рост террористической угрозы. Сегодня многие недооценивают способность «Исламского государства» организовать теракты в районе от Ближнего Востока до Синьцзяна. Присутствие этнических групп с многочисленными иммигрантами из стран Центральной Азии, России и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР заставляет эту террористическую организацию воспринимать это всерьез. Возможно, в этом контексте можно рассмотреть попытку Китая подключить ресурсы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) к реализации проекта СРЭБ. Организация борьбы с терроризмом и экстремизмом и уже имея некоторый опыт в этой области могли действительно сыграть свою роль в совершенствовании механизмов координации региональных усилий по обеспечению безопасности будущих экономических проектов. Кроме того, она могла бы послужить отличным опытом для самой организации. Следует также иметь в виду, что Китай получает почти половину нефти из государств Ближнего Востока, и ее экономика тесно связана с регионом. Инвестиции Китая в энергетические и экономические проекты в Сирии и других странах региона составляют миллиарды долларов США. Таким образом, ослабление позиций режима Б. Асада в Сирии и всплеск экстремизма в регионе могут повлиять на КНР как с точки зрения национальной безопасности, так и с экономической.

3.3 Китайская военная помощь Сирии

Ввиду всех вышеперечисленных факторов КНР не могла оставаться в стороне от сирийского конфликта, здесь даже стоит подчеркнуть, что впервые за длительный период она отошла от своей жесткой позиции неучастия в военных альянсах вне своих территориальных интересов. Можно сказать, что когда уйгуры начали принимать участие в военном конфликте в Сирии, активизация КНР на ближневосточном направлении стала лишь вопросом времени. В августе 2016 года с визитом в Сирию пройдут переговоры с министром обороны Сирии Ф. Д. Аль-Fredge прибыла делегация из КНР, которую возглавлял контр-враг, начальник Управления международного сотрудничества Центрального военного совета КНР, Гуан Юфэй. Контр-адмирал Гуань Юфэй заявил, что «Китай играет активную роль в политическом решении сирийского вопроса. Он активно поддерживает позицию о необходимости защиты суверенитета и независимости Сирии. Военные Китая и Сирии установили контакты, китайские военные намерены и далее укреплять сотрудничество и связи с сирийскими военными». Китайская сторона направила военных советников для оказания помощи Сирии в подготовке личного состава Вооруженных сил. Конечно, в данном случае не следует однозначно понимать это соглашение, поскольку стоит отделить военную мощь государства от боеспособности армии. Если говорить о потенциале, то, конечно, сегодня у Народно-освободительной армии Китая (НОАК) есть все самое современное оружие, а что касается уровня боеспособности, то об этом говорить довольно сложно. В прошлом веке НОАК не одерживала побед: были поражения в войне с Японией, в пограничных конфликтах с СССР, очень сомнительные успехи в Китайско-Индийском конфликте и войне с Вьетнамом. Таким образом, только участие в боевых действиях может подтвердить реальную боеспособность армии. Тем не менее, интересно отметить, что в китайских исследованиях есть утверждения о том, что значительную роль в освобождении Алеппо сыграла помощь КНР в подготовке личного состава Сирийских вооруженных сил. Соответственно, нетрудно по-

нять, что реальная помощь Китая в сирийском конфликте не играет серьезной роли, но здесь еще важнее политическая составляющая. Понятно, что КНР находится в серьезном положении на международной арене, и ее позиция в отношении легитимности правительства Б. Асада и защиты территориальной целостности и государственности Сирии имеет серьезный вес. Также оправдано стремление Китая заручиться поддержкой России и Ирана в борьбе с экстремистами. Оказывая помощь Сирии, Пекин, четко следуя своим принципам, позиционирует себя как непримиримый борец с терроризмом и защитник законных режимов. Косвенно участвуя в сирийском конфликте, КНР сможет лучше контролировать уйгуров, прибывших на войну, и хотя бы предотвратить возвращение большинства боевиков.

3.4 США и всемирный уйгурский конгресс

Говоря о внешних факторах, влияющих на развитие сепаратизма в СУАР, нельзя забывать и о том, что разжигаемые при активной поддержке извне межэтнические конфликты сыграли роковую роль в распаде не одного государства. Здесь мы говорим в основном о США. Сепаратизм стал одним из рычагов Вашингтона в борьбе с главным геополитическим соперником на данный момент - Китаем. А объектом пристального внимания США является СУАР, который имеет важное геостратегическое положение, ведь не зря интересы России, Великобритании, Германии, Японии, Китая и США пересекались именно в разные периоды истории. Но сегодня именно США имеют как заинтересованность в дестабилизации КНР, так и реальные институциональные и материальные возможности противостоять Пекину в рамках проблемы формирования независимого Синьцзяна. В будущем вполне вероятно, что уйгурский вопрос может быть использован американцами в их игре со странами Центральной Азии с целью получения уступок от Китая по ряду вопросов. Соединенные Штаты активно спонсируют Всемирный конгресс уйгуров (Вук) через Фонд Национального Фонда со-

действия демократии США и Американскую Ассоциацию уйгуров во главе с Р. Кадиром. Важно отметить, что Национальный донорский фонд США поддержал «цветные революции» и антиправительственные демонстрации в Грузии, Сербии, Украине и Иране. Годовая сумма выплат в МСА составляет \$ 215 тыс., но это только официальная сумма. Очевидно, что в действительности финансирование Уйгурского движения намного больше. Об этом свидетельствует чрезмерно активная деятельность организации: встречи в разных уголках мира с большим количеством делегатов, филиалы организации во многих странах, выпуск многочисленной пропагандистской литературы, видеофильмов и др. В 2005 году Соединенные Штаты добились от Китайской Народной Республики выдачи Уйгурского диссидента Р. Кадир и создал для нее образ «матери всего уйгурского народа» в пользу прав уйгуров. В 2004 году она стала лауреатом норвежского Международного правозащитного фонда «Raft» в области защиты прав человека, а в 2006 году шведский парламентарий А. Енохсон выдвинул ее кандидатуру на Нобелевскую премию мира, что вызвало резкую критику со стороны официальных властей Китая. Таким образом, СУАР, являясь чрезвычайно важным геостратегическим регионом по мнению Китайской Народной Республики, она имеет особое значение для Китая как в экономическом, так и в политическом плане. Китай должен строго контролировать проблемные регионы мира, расположен недалеко от границ Синьцзяна, так что конфликтный потенциал соседних их регионы не распространились здесь, а также предпринять решительные и крайне ответственные шаги в своей внешней политике в регионах, которые непосредственно к ней не примыкают, но непосредственно влияют не только на Синьцзян, но и на политический и экономический вес КНР в мире. Также не стоит забывать о поддержке Уйгурского сепаратистского движения западными государствами, в основном США. Ставка Вашингтона на сепаратизм в Синьцзяне очевидна. В случае потери СУАР Китаю будет намного сложнее претендовать не только на позиции мировой державы, но и на позиции ведущего государства Азии. Отделение региона, безусловно, нанесет серьезный удар по экономике страны и существенно осложнит построение от-

ношений между Пекином и государствами “исламского мира”, будут поставлены под угрозу союзнические отношения с Пакистаном и Ираном, а также взаимодействие с республиками Центральной Азии.

3.5 Политика безопасности и институционализация отношений Китая в Центральной Азии.

Политика безопасности в регионе осуществляется между региональными субъектами в Центральной Азии, представленными Китаем, Россией, и самими странами Центральной Азии. Основными параметрами сотрудничества между странами региона, стало урегулирование территориальных споров между бывшими советскими странами и Китаем. Спорные вопросы были решены в 1996 году. Перед Китаем встала задача «закрепиться» в регионе, поскольку природным регионом Китая является АТР. Пекин предложил идею создания Шанхайской пятерки-государств, которые принимали участие в разрешении территориальных споров. Пекин решил эту проблему путем институционализации своих отношений в регионе. В этом деле,

Сталкиваются две очевидные тенденции китайской политики: с одной стороны, Китай в своей дипломатической стратегии отдает предпочтение двусторонним отношениям, как это было в случае разрешения территориальных споров с постсоветскими странами; с другой стороны, как новому игроку в Центральной Азии Китаю необходимо институционализировать отношения в регионе, чтобы систематизировать свои действия с другими участниками региона. Общие параметры сотрудничества в регионе в рамках ШОС: территориальных поселений; военная безопасность; противодействие терроризму; экстремизму, сепаратизму; экономическое сотрудничество.

Политика безопасности КНР в регионе связана с противодействием сепаратизму в суаре (Синьцзян-Уйгурский автономный район). В связи с этим произошло пересечение национальных интересов государств - членов ШОС: Китай-нестабильность в Синьцзяне, гражданская война в Таджикистане, вторжение боевиков ИДУ в Кыргызстан и Узбекистан и война на Кавказе. Эти события привели к формированию антитеррористических механизмов ШОС. Антитеррористические механизмы ШОС включают обмен разведанными между странами-членами ШОС и военные учения.

Вторым направлением политики безопасности Китая в Центральной Азии является поддержание регионального баланса в рамках ШОС. Период первой половины 2000-х годов был оскорбительным с точки зрения политики администрации Буша. Одним из направлений этой политики было поддержание Вашингтоном «цветных революций» на постсоветском пространстве, антитеррористическая операция в Афганистане. Суть заключалась в наращивании американского присутствия в регионе: приходе к власти прозападных сил и развертывании сети американских военных баз, которые были задействованы в Афганистане (Ханабад в Узбекистане и Манас в Кыргызстане). Китай и Россия, а также местные режимы поддержали инициативу по поддержанию регионального баланса, целью которой было сохранение ситуации. В целом стратегия и политика Вашингтона были направлены на преобразование региона в рамках доктрины Большой Центральной Азии. Это, несомненно, представляло угрозу национальным интересам и безопасности России и Китая, а также местным режимам: для России это выражалось в уменьшении ее влияния на центрально азиатский регион, как традиционную сферу влияния; угроза Китаю лежит, в среде Китая, на его периферии со стороны дружественных Америке государств; для местных режимов-в сохранении их власти. Астанинская декларация 2005 года стала пиком российско-китайского и Центрально-Азиатского взаимодействия. Основным содержанием Астанинской декларации стало заявление государств-членов ШОС о необходимости вывода американских военных баз из региона: Карши-Ханабад в Узбекистане и Манас в

Кыргызстане. Таким образом, можно сказать, что ШОС выполняет две основные функции, первая из которых-поддержка антитеррористической деятельности ШОС в регионе, а также поддержание регионального баланса между Россией и Китаем в Центральной Азии.

Также политика безопасности Китая в Центральной Азии также формируется через призму связей с общественностью и восприятия, в этом отношении, как правило, выделяются два направления – это российская и Центрально азиатская. Восприятие основано на ксенофобии-страхе роста и влияния Китая. Ксенофобское понимание и восприятие Китая основано на двух принципах: первый-это военные, которые Китай способен или сможет проецировать свою военную мощь в регионе в будущем для достижения своих целей или территориальной экспансии. Второе восприятие основано на принципах «тихой экспансии», которая относится к экономическому и демографическому присутствию Китая в регионе, где Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, безусловно, будут первыми странами, затронутыми Китаем. Учитывая внутренние, а также китайские и региональные особенности, китайская угроза преувеличена, и политика безопасности Китая в основном основана на обеспечении стабильных поставок энергии и безопасности СУАР с акцентом на территориальную целостность.

Выводы по третьему разделу: СУАР место, где нестабильной положении. Он расположен на границы с Казахстаном, Киргизией, Пакистаном и Афганистаном. Очень часто случается приезжающие из Афганистана и Пакистана бывает характер исламский фундаментализм. И это ещё один серьёзный удар по экономике СУАР. Вторым направлением политики безопасности Китая в Центральной Азии является поддержание регионального баланса в рамках ШОС.

4 СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУАР И УЙГУРСКИЙ ВОПРОС

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) населяют 47 национальностей. Но титульной нацией автономного района являются уйгуры. И именно на них ориентирована политика КНР в этом районе. Определяющим же в этой политике является сегодня тот факт, что значительное число уйгуров исповедует ислам. А также то, что ислам уйгуров с каждым годом становится всё более радикальным. Дополнительное напряжение в этой ситуации создает то, что значительное число уйгуров проживает не в КНР, а на юге Киргизии, где они относятся к радикально настроенной части мусульман этой страны. И именно эти обстоятельства, судя по всему, в самое ближайшее время сыграют решающую роль в попытках дестабилизации Китая. А положение в Гонконге показывает, что попытки дестабилизации уже начались. Так что остается не так уж много времени на то, чтобы уяснить себе, что такое уйгурская проблема в Китае.

Для характеристики политики китайских властей относительно уйгуров СУАР уместно сравнение с другой народностью КНР, также исповедующей ислам. Речь идет о хуэйцах, населяющих Нинся-Хуэйский автономный район. Даже в нем их доля не превышает 34 %. Данная территория вошла в состав китайской империи примерно в III веке до н. э. и более чем за тысячу лет глубочайшим образом укоренена в обще китайском культурно-историческом поле.

Кроме того, географически территория хуэйцев расположена внутри территории КНР, хотя и с сильным смещением к северу страны. Хуэйцы разговаривают на тех же диалектах, что и местное Ханьское население, выглядят, как китайцы, и по факту ими и являются. Единственное, пожалуй, броское отличие связано с запретом ислама на употребление свинины и алкоголя. Таким образом, Хуэйцы не рассматриваются в Китае как этническая «группа риска».

С уйгурами всё иначе. Эти граждане Китая для титульных китайцев остаются постоянной «группой политического риска». Уйгурский язык относится к тюркским, письменность уйгуров основана на арабском алфавите, и сами коренные

жители выглядят иначе, чем Ханьцы – крупнейшее государство образующее народность Китая. Сегодняшние уйгуры – это замкнутая этническая группа, мало подверженная ассимиляции, чтящая всё, что составляет ее идентичность: культуру, историю, религию. Историческим топонимом этой территории является Восточный Туркестан.

Синьцзян несколько веков был зоной влияния Китая, но одновременно территорией бунтов, восстаний, завоеваний, разделов и междоусобиц. Уйгурский каганат VIII–IX вв. имел множество политических «государственных наследников», каждый из которых, не добившись внутренней консолидации, в итоге утрачивал самостоятельность. В разные периоды истории территория проживания уйгуров подолгу оставалась зоной политической нестабильности. И неудивительно, что с момента официального создания СУАР в составе КНР в 1955 году центральные власти Китая проводят там жесткую политику.

Однако политика эта несет в себе отнюдь не только запреты. Например, уйгуры как национальное меньшинство имеют послабления в части государственной политики «одна семья – один ребенок». Запреты же начинаются там, где возникает угроза радикализации. К примеру, очень жестко соблюдаются антирелигиозные меры: так, лицам до 18 лет запрещается участвовать в религиозных обрядах.

Вообще, за любыми очагами религиозности в светском Китае следят с повышенным вниманием – как за питательной почвой трех зол: сепаратизма, терроризма, экстремизма. Это внимание резко повысилось после начальной фазы «арабской весны». От китайских политиков не укрылось, что важнейшей организационной структурой подготовки «арабской весны» стали многотысячные группы в социальных сетях. И что именно через интернет проходили управляющие сигналы во время начавшихся беспорядков. К этой угрозе в Пекине отнеслись всерьез. Но первым и основным элементом стратегии пекинского правительства в отношении Синьцзян-Уйгурского автономного района стало его массовое заселение представителями базовой китайской этнической группы – Ханьцами. На 2000 год уйгуры составляли 45 % населения Синьцзяна, Ханьцы – 40 %, в абсо-

лютных числах – 8 345 622 уйгуров в СУАР из примерно 11 миллионов проживающих в Китае вообще. При этом расселение уйгуров и ханьцев в регионе неравномерное: есть территории и города, где уйгуры составляют до 90 % – например, Кашгар. И потому Кашгар сегодня является одной из наиболее взрывоопасных точек СУАР.

При этом переселенные в СУАР экономически и политически активные ханьцы занимают ведущие положение в основных сферах жизни региона. Когда в начале XXI века в Пекине было принято решение об ускоренном экономическом развитии этой отсталой территории, сюда пролился финансовый ливень. Преобладающая доля благ от этого инвестиционного потока досталась ханьцам, что не могло не вызвать недовольства уйгуров. Это недовольство начало активно подогревать инициированная Западом пропаганда, направленная на социально-экономическую дестабилизацию. Результатом стали массовые беспорядки, унесшие сотни жизней.

Но и политика Пекина в СУАР разделана на три этапа. 1- этап (2001–2010) который экономика среднегодовой темп ВВП в 10 %. Сейчас уже идёт второго этапа (2011–2030) модернизацию производства также проходит в условиях борьбы Пекина с дестабилизацией региона. 2009 году драка в другом конце страны аукнулась в Синьцзяне 197 убитыми, 1600 ранеными, сожженными автомобилями, автобусами, разгромленными магазинами, точные данные о которых просто несущественны по сравнению с человеческими потерями.

Столь специфические географические обстоятельства волнений говорят о явной скоординированной данных событий. А о серьезности отношения к ним властей КНР говорят последовавшие за ними 30 смертных приговоров уйгурам, ставшим инициаторами этих волнений. В сочетании с обвинениями местных ханьцев в присвоении основных благ от правительственных инвестиций в регион эти приговоры резко повысили градус конфликтности уйгуров в отношении Пекина. А заодно – привели к очередной активизации разжигания конфликта из-за рубежа. Так, 7 октября 2013 года в статье «Нью-Йорк таймс» был приведен при-

мер: на китайском веб-сайте по поиску работы примерно в половине из 161 вакансии имелось предостережение, что заявки от лиц, не являющихся ханьцами, или тех, для кого китайский язык не является родным, даже не будут рассматриваться.

В последние 15 лет заметная часть уйгуров последовательно переходила с позиций национализма и борьбы за сохранение родного языка на позиции исламского радикализма во всех его экстремистских проявлениях. Уже с 90-х с уйгурами в Китае стали связывать деяния, носящие очевидно террористический характер. О причинах этого можно говорить много. Среди них и общая радикализация ислама в соседней Средней Азии, и бурный всплеск активности талибов в соседнем Афганистане, и учеба уйгурских радикалов в пакистанских исламских военных лагерях талибов, и их участие в боевых действиях террористического «исламского интернационала» во множестве «горячих точек». Эти процессы, радикализирующие уйгурский национализм и сепаратизм, получали постоянную и активную подпитку американских политиков, идеологов и спец инструкторов.

В целом подоплеку событий последних лет в СУАР, и особенно уйгурских терактов этого года, уместнее искать не столько в характере отношений СУАР с Пекином, сколько в быстром росте влияния КНР в мире.

Подчеркнем, что проект нового Шелкового Пути, соединяющего Дальний Восток с Европой через страны Средней Азии, активно разрабатывался в 90-е годы именно под патронатом США и ЕС. Однако тогда он основывался на общетюркской интеграции. А поскольку впоследствии США сделали в регионе ставку на исламизм и дестабилизацию, то проект оказался заморожен. Этим, в свою очередь, воспользовался Китай, фактически ставший новым держателем американского политического проекта.

Другие китайские проекты нацелены на уменьшение зависимости от морских поставок сырья, которые рискуют натолкнуться на противодействие ВМФ США или Индии. Это, например, планы соединить порт Гвадар в пакистанском Белуджистане и Синьцзянский город Кашгар нефтегазопроводом, железной дорогой и автомагистралью. Проектная стоимость работ 18 млрд долларов. Начало строи-

тельства новых объектов и расширения существующего Каракорумского шоссе запланировано на начало 2015 года, межправительственные соглашения подписаны еще в прошлом году.

В случае успешного претворения гвадарского проекта в жизнь Китай сможет импортировать средне восточную нефть и природный газ, не используя Малаккский пролив в Индийском океане. Который столь же легко блокируется, как, к примеру, Ормузский пролив между берегами Ирана и ОАЭ. А такая возможность, несущественная в мирное время, становится критически важной в военной обстановке. Так что атаки уйгуров именно на железнодорожные объекты четко высвечивают стратегический смысл этих инфраструктурных единиц. Разумеется, китайское правительство осознает угрозу со стороны террористов планам создания экономического пояса Нового Шелкового Пути и урбанизации городов второго и третьего эшелонов. И действует, не дожидаясь, пока они наберут достаточно силы, чтобы стать серьезной проблемой для главных инфраструктурных проектов.

Но что питает этот взрыв террористической активности?

Чтобы разобраться в этом, необходимо проанализировать не только проблематику отношений между Китаем и США. А также внутри китайскую проблематику. Необходимо также разобраться во взаимоотношениях Китая и Пакистана. У Пекина с Исламабадом есть, во-первых, общий – Каракорумский – проект. И есть общий террористический враг. Террористы, угрожающие Китаю и Пакистану, проходят подготовку в лагерях на неконтролируемой властями Пакистана территории племен в районе афганской границы (Северный Вазиристан). Причем для Китая опасность представляет в первую очередь Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ), в рамках которого осуществляется связь между уже рассмотренными нами уйгурами из СУАР и достаточно могущественными террористическими группами исламистов Центральной Азии.

Именно эта связь подпитывает быстрый рост уйгурского терроризма.

С ИДВТ связывают нападения на китайских граждан в пакистанском Белуджистане в 2007 году. Пакистанские власти за период 2008–2013 гг. экстрадировали

ли в Китай свыше 20 схваченных активистов этой организации. Лидер Туркестанской исламской партии, приравниваемой Пекином к ИДВТ, Абдулла Мансур, на уйгурском языке дал тогда краткое телефонное интервью агентству Рейтер, в котором заявил, что Китай является не только врагом его организации, но и врагом всех мусульман, а война с Китаем – священный долг его организации. Тем самым американцы явным образом хотят заточить против Китая весь исламский радикализм, а не только его уйгурский передовой отряд. Руководитель исламабадского центра политических исследований FATA Сайфулла Махсуд утверждает, что в последние несколько лет повстанцы-талибы создают новые укрытия для уйгуров, причем всё ближе к границе с Китаем. Итоговая цель – новый коридор, ведущий на родину. Плюс постоянная поддержка в части логистики.

Синьцзян и туризм. Последнее время правительство Китая очень сильно уделяет внимание в СУАР сфере туризма. В результате в 2016 году построили нового Уйгурского театра, изготовление которых обошлось в двести пятьдесят шесть миллионов. Сцена основного зала театра, занимает площадь 4000 м², и является один из большой сценой в Китае.

Построили дороги, современные отели, построили Джунгарский автобан, на все перестройках выделяет огромные деньги исключительно Китая. Это всё для чего делается – для того чтобы втянуть Синьцзян нормально цивилизационного пространство. Сделать хорошую условия и для местных и развития ма. Привлекать внимание ещё больше туристов в Синьцзяне.

Туристический достопримечательности в Синьцзян -Уйгурского автономного районе достаточно много. Туристы могут хорошо время провести например: Горы Куньлунь одна из крупнейших горных систем Азии. Большой базар – международный Большой базар расположено в Урумчи. Тянь-шаньский заповедник диких животных – заповедник расположен среди великолепных горных пейзажей, что делает путешествие ещё приятным. Ещё построили музей, который один из самых популярных в Китае. Туризм играет такой геополитическую роль.

Моё впечатление от китайского мусульманского сообщества. Перед тем, как поехать в Китай, чтобы год проучиться там, проходя стажировку, я подумал, есть ли там мусульмане и как они построили мечети, а также как обстоят дела с едой для мусульман. Потому-что я знал, что город Хэйхэ, в котором мы учимся, не большой. Хэйхэ приграничный город Китая. Расположен на берегу Амура, на против, российского города Благовещенска. После того, как мы добрались в Хэйхэ, учеба началась. Спустя несколько дней, я собрался погулять в городе, чтобы привыкнуть к китайский жизни. Я ездил в центр города по автобусам и по пути увидел похожее на мусульманский собор здание, в зелёном цвете и более того на верху был полумесяц, и я сразу подумал, что это наверно мечеть и на следующий день остановился рядом этого здания и захотел осмотреться вокруг и узнать, действительно ли это мечеть или нет. Подойдя ближе увидел надпись, что это мечеть Хэйхэ, но сразу не стал входить в мечеть, потому что в то время мое знание китайского языка было не очень, и не понимал, как что-нибудь спросить. Таким образом вернулся свое общежитие и вспомнил, что на другом этаже живут парни из Турции и Чад (Африка) они были мусульманы и зашёл к ним поговорить о том, что были ли они в этом мечете. Они сказали, что: да, очень хорошая мечеть, условия хорошие, все, что нужно для совершения молитвы есть и мы договорились в пятницу совершить пятничных намаз в мечете. Настала пятница, я, Эмри и Исса приехали мечеть. Мне очень сильно понравилась сама мечеть, она была уютная и большая. В мечете есть главная комната, во второй в то время шел ремонт, а третья была для умывания. Когда мы вошли в комнату, местные немножко удивилось тому, что иностранцы тоже зашли в главную комнату. Мы практически не видели разницы, что декорации надписей на арабском (хадис , сура из Корана) и китайском отличаются. Также удивило то, что мужчины и женщины в одном месте совершают намаз. У нас не такой привычки, и России в том числе тоже такого нет. В России женщинам положено читать намаз в отдельной комнате. Я не испытывал какого-нибудь давления или что-то еще, все хорошо было. Однажды гуляв по городу рядом одного супермаркета, увидел надпись, где было

написано что это мусульманский ресторан и решил поужинать там. Оказывается, что там работает одна мусульманская семья. Еда очень вкусная и не дорогая. Ещё я запомнил, что лапша которая они готовили очень похожа на известную Ланьчжоуская лапшу – очень сильно понравилась.

Выводы по четвёртому разделу: Последнее время правительство Китая очень сильно уделяет внимание в СУАР сфере туризма. Построили дороги, современные отели, построили Джунгарский автобан, на все перестройках выделяет огромные деньги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из этой работы, мы можем сделать следующие выводы. Во время Танской империи, ислам только начал возникновение в Китае и более того Китай активно контактировал с Центральной Азией, и Ближним Востоком. Ещё один момент, уже в 742 году в тогдашней столице Китая Чанъань (ныне - Сиань) была построена знаменитая мечеть, под названием Большая Сианьская мечеть, из этого события можно заметить, насколько сильно было влияние ислама. В эпохи Юаня мусульманская культурная имела влияние на развитие этой эпохи. Ещё один важный интересный вопрос о роли языков мусульманского мира в культурной и государственной жизни Китая в эпоху Юаня и в 1289 году, в Китае открылся один из первых мусульманских университетов, где преподавались арабские языки и практиковались мусульманские переводчики. Ещё в 1314 году при министерстве образования Юаня создано было образовательное учреждение для мусульман. Мусульмане и персы внесли намного больше значительный вклад на развитие медицины, географии, астрономии, навигации, военной техники. Например, персидский астроном Джамаль занимался китайским календарем, его таблицы и расчёты использовались с 14 века в системе времени в Китае. Самаркандский глазной врач (Кахал) вылечил глаза Чингисхана (офтальмии) и был наиболее гостеприимен к врачам и был под впечатлением лекарств и лечения, после этого врачи его окружения были центрально азиатскими и персидскими, с 1268 году основное известное лекарство было привезено из Самарканда.

Великий шёлковый путь - караванная дорога, соединяющая Восточную Азию со Средиземноморьем в древности и в Средние века. Из начало, использовался для вывоза шёлка из Китая, с чем связано его название. Она очень сильно повлияла на распространения связей народов Средней Азии, Ближний Восток, Кавказ до Европы и Китай технологии и инноваций, в том числе искусстве (музыка, танцы, архитектура), технологии (производство шёлку, бумаги и т. п), религии (христианство, ислам, буддизм).

Подчеркнем, что проект нового Шелкового Пути, соединяющего Дальний Восток с Европой через страны Средней Азии, активно разрабатывался в 90-е годы именно под патронатом США и ЕС. Однако тогда он основывался на общетюркской интеграции. А поскольку впоследствии США сделали в регионе ставку на исламизм и дестабилизацию, то проект оказался заморожен. Этим, в свою очередь, воспользовался Китай, фактически ставший новым держателем американского политического проекта.

Император Чжу Юаньчжан очень уважительно относился к исламу потому что:

- когда он стал император страна не была ещё единой, и он изначально восстановил хорошие отношения с мусульманами и с не мусульманами;
- ему необходимо было мягкой внешней политики в части с зарубежными странами;
- он хорошо относился к исламу, в связи с тем, что в его окружении были много государственных мусульман деятелей и его близкие.

Я думаю, что самый сложный период для мусульман династии Цин (1644-1911), потому что Маньчжуры завоевали Китай. Они очень жёстко относились к мусульманам. Маньчжуры не были мусульманами. Они запретили мусульманам ездить в Мекку для совершения хаджа. В девятнадцатом веке было много войн между династией Цин и мусульман. В таких местах, как Юньнань, Синьцзян и Ганьсу, где было много мусульман, они восстали и попытались создать свои собственные страны. Борьба была напряженной. Часто мусульмане начинали войну внезапным нападением. Маньчжуры не пользовались популярностью среди остального населения. В 1850 году началось Тайпинское восстание, организованное протестантскими христианскими верованиями против династии Цин. Это восстание было успешным в начале, и они завоевали большую часть страны и создали столицу в Нанкине. Тайпинские лидеры призвали мусульман тоже подняться. К сожалению, с помощью иностранной армии правители Цин в конце концов разгромили Тайпинскую армию. Войны в провинции Юньнань велись с 1855 по 1873 год. Чтобы остановить восстание, китайское правительство уничтожило мусуль-

ман. Говорят, что миллионы мусульман были убиты. Некоторые мусульмане в Синьцзяне бежали в Россию. В 1895 году произошло еще одно мусульманское восстание. Эта война и уничтожение сократили число мусульман. В 1910 году было подсчитано, что мусульмане составляют около 1 или 2 процентов населения Китая, или около 7 миллионов.

Ислам в 1911–1945 в Китае. Гоминьдан возглавил страну принципы свободы совести и национального равенства. Именно в это время в провинции Хэйлунцзян город Харбине было построено главный центр образовательного учреждения для мусульман, и в том числе в провинции Ляонин (Шэньян) и городе Бэньси. В 1933 году в Синьцзяне создана республика под названием Восточно – Туркестанская республика (ВТР). 1944 году была провозглашена ВТР повторно. Но в 1945 году был подписан договор между Китаем и СССР о сотрудничестве и дружбе. По этому договору контролировать ситуацию в Синьцзяне получил Китай и СССР, что не будут вмешиваться о вопросе Синьцзяна. В 1949 году руководитель Компартии Китая Гоминьдан принял решение о переселения туда численностью в 250 тысяч Ханьского населения. В 1955 году официально было объявлено о создании Синьцзян- Уйгурского автономного района. С момента официального создания СУАР в составе КНР в 1955 году центральные власти Китая проводят там жесткую политику. Самый многочисленная группа из тюркских народов в этом регионе это Уйгуры, около 10 миллионов человек по данным переписи в 2010 года. Однако политика эта несет в себе отнюдь не только запреты. Например, уйгуры как национальное меньшинство имеют послабления в части государственной политики «одна семья – один ребенок».

Мечети один из важной особенности ислама. В данной момент в Китае более 20 тыс. мечетей из них примерно 280 находятся на северо-востока Китая. Ещё один особенности мечети в Китае можно разделить на две части. Первая часть была построено в китайском стиле, вторая арабским стиле. Для арабского стиля строительства обычно использовался камень и это находятся на западе страны, а в северном территории Китае сделано в стиле китайском стиле.

В 80–90-е годы 20 века современное общество мусульманство основное в провинциях Ляонин, Гирич, Хэйлуцзян Сиань и СУАР. За период с 1981 по 1984 год КНР выделило 6 миллион юаней на реставрацию мечети и это показывает, что правительство тоже неравнодушно относилось к исламу. Ещё одним важным фактором является распространению интерес и знания к исламу - это поездка китайцев в мусульманские страны для образования.

Нам удалось найти из этого анализа: китайское мусульманское общество несмотря на то, что было давление и ограничение, и несмотря на то, что не позволялось проводить различные религиозные мероприятия сохранил свой статус до настоящего времени.

Можно сделать вывод, что ислам проник в Китай в эпоху Тан (618–907 гг.) и Сун (960–1279 гг.), и можно выделить следующие этапы: военный, торговых сухопутных и морской путь. Множество товаров и людей веками перемещались по Великому Шелковому пути и по морским торговым путям. Большинство мусульман попали в Китай с торговыми караванами.

Следовательно, Китай всегда был и остаётся мощным культурным и историческим пространством, влиявшим на все государства и народы, проживавшие по соседству.

Все поставленные задачи были выполнены.

С помощью от этого исследование, была цель узнать про мусульманское общество в Китае и их культуру, особенности, отличия и какие изменения произошли в последние годы.

На основе этого анализа можно предположить, что ислам в Китае:

- 1) проник в VII в.
- 2) в 742 году в тогдашней столица Китая Чанъань (ныне -Сиань) была построена знаменитая мечеть, под названием Большая Сианьская мечеть.
- 3) мусульмане и персы внесли намного больше значительного вклада в развитие. медицины, географии, астрономии, навигации, военной техники.
- 4) в 1289 году в Китае открылся первый мусульманский университет.

5) самый сложный период для мусульман династии Цин (1644–1911).

6) все мечети в Китае можно разделить на две группы. Первая группа - здания, выполненные в китайском стиле, вторая группа - религиозные здания, повторяющие арабский архитектурный стиль.

7) в настоящее время в Китае насчитывается более 20 тыс. мечетей, из них 280 находятся на северо-востоке страны.

На мой взгляд, причины, которые в Синьцзян-Уйгурском автономном районе проблемное место, заключаются в следующем:

1. территориально она граничит с проблемными государствами, такими как Киргизия, Казахстан, Пакистан и Индия. От них есть следующие возможные угрозы: экстремизм, сепаратизм и фундаментализм

2. моральная неустойчивость граждан, из-за того, что в 1944 году СУАР потеряла свою независимость

3. приезжие хансы, которых власти отправили в СУАР, имеют более лучшие условия проживания: работу, жилье. Это способствует развитию недовольству со стороны местного населения, из-за чего, часто вспыхивают различные драки

4. исходя из третьего пункта, местные жители уезжают в другие страны в поисках более лучшей жизни - это разрушает их целостную культуру

5. ограничения свободы в выполнении религиозных обычаи. Например, у мусульман очень важный обычай - поход в мечеть для совершения намаза. Если жителей явно ограничивают их религиозных действиях, то это вызывает еще больше недовольств в сторону властей.

Ислам как религиозная культура прочный и имеет свое прочное место в китайской культуре в целом. С одной стороны он имеет прочное место, с другой стороны есть уйгурские проблема. Современное состояние ислама в Китае стало не простым после того как появление «Исламское государства» в Китае. Но тем не менее правительство предлагает позицию для защиты своих границ от терроризма и экстремизма. В Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) создали «Организация борьбы с терроризмом и экстремизмом». Это организация обеспечивает

безопасность страны ШОС. Политика безопасности КНР в регионе связана с противодействием сепаратизму в Синьцзян-Уйгурский автономный район. В связи с этим произошло пересечение национальных интересов государств членов ШОС: Китай-нестабильность в Синьцзяне, гражданская война в Таджикистане, вторжение боевиков ИДУ в Кыргызстан и Узбекистан и война на Кавказе. Эти события привели к формированию антитеррористических механизмов ШОС. Антитеррористические механизмы ШОС включают обмен разведанными между странами-членами ШОС и военные учения.

Правительство планирует сделать из Синьцзяна туристический регион, и в регионе для этого есть всё необходимое. Горы Куньлунь одна из крупнейших горных систем Азии. Международный Большой базар расположено в Урумчи. Тяньшаньский заповедник диких животных расположен среди великолепных горных пейзажей, что делает путешествие ещё приятным. Последнее время правительство Китая очень сильно уделяет внимание в СУАР сфере туризма. В результате в 2016 году построили новый Уйгурский театр, изготовление которых обошлось в двести пятьдесят шесть миллионов долларов. Сцена основного зала театра, занимает площадь 4000 м², и является одной из больших сцен в Китае. Построили дороги, современные отели, построили Джунгарский автобан, на эту перестройку выделяет огромные деньги исключительно Китай.

Просмотрев эти развития, можно понять, что в ближайшем будущем Синьцзян станет один из туристического региона страны.

Можно предположить, что в Синьцзяне при современных темпов развития в том числе развития крайней западного региона, то в принципе возможно достичь межэтнических и межконфессиональных толерантностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузнецов, В.Н. Ислам в политической истории Китая (VIII в. – первая половина XX в.) / В. Н. Кузнецов. – Москва: Изд-во МГУ, 1987. – 195 с.
2. Захарьин, А. Ислам в Китае / А. Захарьин. – Санкт-Петербург: Изд-во Питер, 2010. – 56–69 с.
3. Решетов, А.М. Этническая история народов Азии / М.А. Решетов. – Москва: Изд-во Эксмо, 1972. – 141 с.
4. Калимов, О.А. Фонетической модификации арабских заимствований в дунганском языке / А.О. Калимов. – Москва: Изд-во МГУ, 2003. – 616 с.
5. Мавлонова, А.С. Ислам в СУАР как фактор политической нестабильности КНР / А.С. Мавлонова // Вестник РУДН Серия «Политология» – 2018. – Вып. 2. – № 4 (5) – С. 176–186.
6. Более 30 мечетей уничтожены в Китае. [Электронный ресурс]. URL: <https://alif.tv/boleee-30-mechetej-unichtozheny-v-kitae/> (дата обращения: 11.05.20019)
7. Запад выступил против требования Китая исключить всемирный Уйгурский конгресс из экономического и социального совета ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uyghurcongress.org/ru/запад-выступил-против-требования-кит/> (дата обращения: 21.05.2018)

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Изображение 1. Карта Великого Шелкового пути.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Изображение 1. Современный вид Сианьской Соборной мечети.

Изображение 2. Современный вид Мечеть Ид Ках, Кашгар

Изображение 2. Современный вид Мечеть Дунгуань, Синин